

ФОРУМ: АВТОРЫ, РЕЦЕНЗЕНТЫ, РЕДАКТОРЫ

Аннотация: «Форум» юбилейного 50-го номера мы посвятили необычной теме — отношениям между лагерем авторов и лагерем редакторов. Эти отношения бывают доброжелательными и не очень, иногда оказываются напряженными, а порой приводят к прямым конфликтам. С некоторых пор взаимодействие между ними усложняется появлением третьей стороны — внешних рецензентов. Участники «Форума» делятся историями своего взаимодействия с редактором (или редакцией) / автором и описывают свой идеал: «редактор — мечта автора» / «автор — мечта редактора» / «рецензент — мечта обоих», а также своего «антигероя». Реплики публикуются под настоящими именами или псевдонимами.

Ключевые слова: научные журналы, двойное слепое рецензирование, научные публикации, редакторы, редколлегии, авторы, рецензенты.

Для ссылок: Форум: Авторы, рецензенты, редакторы // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 11–100.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-11-100

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/forum.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2021, NO. 50

FORUM: AUTHORS, PEER REVIEWERS, EDITORS

Abstract: The 50th issue of the journal marks a jubilee. We have decided to mark this exceptional event in the journal's history by organising a 'forum' on an exceptional subject: the relations between two different camps in the academic world: authors and editors. Sometimes these relations are harmonious and friendly, at other times less so; at other times again, they can be plain tense, or even openly hostile. The situation is further complicated by the activities of peer reviewers (a relatively novel phenomenon in the Russian speaking world, more familiar in the USA and UK, and in parts of Western Europe). Participants were invited to share their experience of working with editors / editorial boards / authors and to describe the ideal editor (or conversely, the ideal author), and the ideal peer reviewer — as well as the anti-heroes. They were at liberty to use pseudonyms or their real names.

Keywords: journals, peer review, academic publishing, editors, editorial boards, authors, reviewers.

To cite: 'Forum: Avtory, retsenzenty, redaktory' [Forum: Authors, Peer Reviewers, Editors], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 11–100.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-11-100

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/050/forum.pdf>

Форум

В форуме «Авторы, рецензенты, редакторы» приняли участие:

- Андрей Станиславович Адельфинский** (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия)
- Альберт Кашфуллович Байбурин** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)
- Юрий Евгеньевич Березкин** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)
- Ольга Юрьевна Бойцова** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Арсений Максимович Веркеев** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия)
- Дмитрий Вячеславович Громов** (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия)
- Александр Юрьевич Желтов** (Санкт-Петербургский государственный университет / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Татьяна Григорьевна Иванова** (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Светлана Дмитриевна Клейнер** (Издательство “Springer Nature”, Нидерланды / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Наталья Ковалева (Natalia Kovalyova)** (Университет Техаса, Остин, США)
- Антон Владимирович Кухто** (Массачусетский технологический институт, Кембридж, Массачусетс, США)
- Анна Андреевна Лазарева** (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)
- Константин Игоревич Поздняков** (Институт университетов Франции / Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO) / Национальный центр научных исследований (CNRS), Париж, Франция)
- Наталья Львовна Пушкарева** (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия)
- Марьям Ефимовна Резван** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Ольга Александровна Ткач** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
- Андрей Львович Топорков** (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия)

Ольга Борисовна Христофорова (Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия)

Виктория Алексеевна Черванёва (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

А также:

Д.Б.

Д.Е.

Б. Спиноза

Антон Чехонте

Януш Юксипулин (Janus Yksipuolin)

Форум

Авторы, рецензенты, редакторы

«Форум» юбилейного 50-го номера мы посвятили необычной теме — отношениям между лагерем авторов и лагерем редакторов. Эти отношения бывают доброжелательными и не очень, иногда оказываются напряженными, а порой приводят к прямым конфликтам. С некоторых пор взаимодействие между ними усложняется появлением третьей стороны — внешних рецензентов. Участники «Форума» делятся историями своего взаимодействия с редактором (или редакцией) / автором и описывают свой идеал: «редактор — мечта автора» / «автор — мечта редактора» / «рецензент — мечта обоих», а также своего «антигероя». Реплики публикуются под настоящими именами или псевдонимами.

Ключевые слова: научные журналы, двойное слепое рецензирование, научные публикации, редакторы, редколлегии, авторы, рецензенты.

Семнадцать лет, с 2004 г., издается наш журнал. И семнадцать лет редколлегия и редакция «Антропологического форума» работают над выпусками, редактируют публикации, общаются с их авторами. За это время вышло 49 русских номеров, 16 английских и еще 9 номеров «АФ Online» (с 2009 по 2013 г.). Как ни считай, нынешний номер юбилейный — 50-й русский или 75-й, если считать все.

«Форум» этого юбилейного номера мы решили посвятить необычной теме — отношениям между лагерем авторов и лагерем редакторов. Эти отношения бывают доброжелательными и не очень, иногда оказываются напряженными, а порой приводят к прямым конфликтам. С некоторых пор взаимодействие между ними усложняется появлением третьей стороны — внешних рецензентов. Думаем, что всем авторам знакомо чувство (его принято называть смешанным), с которым они читают замечания редактора к их тексту (а также отзыв на него рецензента). Думаем, что и всем редакторам и рецензентам знакомо не менее смешанное чувство, охватывающее их при взгляде на авторский текст.

Все мы, члены редакции «АФ», принадлежим одновременно к обоим лагерям, т.е. имеем и опыт автора, общающегося с редактором, и опыт редактора, общающегося с автором. (Мы также регулярно выступаем и в третьей, промежуточной, роли внешних рецензентов

для других редакций.) Поэтому, в отличие от обычного «Форума», часть ответов на приведенные ниже вопросы принадлежит нам самим. Приглашая принять участие в обсуждении других авторов и редакторов научных журналов, мы оставили возможность всем приславшим свои реплики выбрать, опубликовать их под своей фамилией или под девизом (псевдонимом). Читателям же предлагается небольшой квест: попытаться угадать, кому принадлежит та или иная реплика — сотрудникам редакции «АФ» или кому-то извне.

- 1** *Поделитесь историей своего взаимодействия с редактором (или редакцией) / автором — веселой, грустной, возмутительной или просто показательной.*
- 2** *Опишите свой идеал: «редактор — мечта автора» / «автор — мечта редактора» / «рецензент — мечта обоих». Были ли в вашем опыте те, кто хотя бы в некоторой степени приближается к этому идеалу?*
- 3** *Опишите своего «антигероя» — самого ужасного, странного, нелепого, смешного, раздражающего редактора / рецензента / автора, прототипического или реального.*
- 4** *Что вы вообще думаете о взаимоотношениях и взаимодействии этих трех сторон? Возможно ли здесь «мирное сосуществование» и если да, то при каких условиях?*

АНДРЕЙ АДЕЛЬФИНСКИЙ

Веселая и показательная история приключилась с одной рукописью. Сегодня 2100 дней с момента ее первой подачи. 923 дня лежания в редакциях. 16 отказов де-факто от 12 журналов. Четыре смены названия. Три переработки. Два приема без замечаний, но с отказом далее. Ирония в том, что «мотороллер не мой, я просто разместил объяву». Некий автор утверждал в российском спортивном научном журнале, что «бегун не отталкивается от земли, а падает вперед». В свою очередь, я попытался опубликовать возражение на данную ошибочную теорию с позиции классической механики. И указать на более раннюю полемику того же автора касательной этой же научной ошибки за рубежом. Однако издания по профилю сообщили примерно следующее: научный журнал не место для дискуссий. Издания не по профилю: «не наш профиль», «вы затеиваете научную войну» и т.д.

Веселая составляющая истории в том, что невольно удалось провести собственный «эксперимент Алана Сокала». Выявить парадигмальный сдвиг в спортивной науке от позитивизма к постмодернизму. Обнаружить более раннюю критику В.Н. Зациорского, Ю.П. Верхошанского, В.Н. Селуянова и др., поднимавших ту же проблему в 1980–1990-х. Сейчас рукопись в 13 журнале, это 17 подача... Возможно, она увенчается успехом? Но если нет — то что же, есть Alt+Shift.

Есть и показательная составляющая этой истории. В последнее время нередко пишут о нарушении этики со стороны авторов. Обильно осуждается «воровство автора у самого себя», подача в разные журналы и т.д. Но кто напишет об отсутствии обратной связи в отношении авторов? О приеме к публикации с последующем молчаливым отказом? О лежании рукописей без рассмотрения, иной раз до года? Кто ответит, какие сроки считать действительно адекватными, как первичного реагирования, так и возврата рецензии, по отношению автору? Мой скромный опыт позволяет предположить, что месяц для ответа рецензента и пара дней для Desk-Reject с небольшой аргументацией — наверное, это посылно?

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

1 У меня нет причин жаловаться на редакторов. Бывали недоразумения с рецензентами. Однажды послал статью в “Arctic Anthropology”, а один из рецензентов возмутился, почему я не ссылаюсь на Проппа и Леви-Строса. О Боже. Еще меня однажды не взяли в “Journal de la Société des Américanistes”, потому что не было собственных полевых материалов. Это не кажется серьезной причиной для отказа, но ведь действительно не было. Некоторые рецензенты не вполне понимают, о чем в статье речь, или чего-то не знают, но боятся в этом признаться, поэтому пишут чушь. Но по мелочам.

2 Были и еще как. Первый пример — работа с Джессикой Хемминг в лондонском “Folklore”. Она из меня душу вынула, но стоило того. За такое редактирование я беспрельно благодарен. Похожее как-то случилось в «Урало-алтайских исследованиях». Имен не знаю, но статья в результате стала намного лучше. Отвечать на осмысленные вопросы — это вообще удовольствие.

3 В свое время в «Археологии, антропологии и этнографии Евразии» работала тетенька, которая, по слухам, даже не умела печатать. Она была скорее корректором, чем редактором, и прекрасно видела пропуски и опечатки. Но я с ней две недели боролся,

чтобы написать «трансевразийский», а не «трансевразийский».

Почва для появления «антигероя» — связь автора и редактора / рецензента с разными научными парадигмами. Здесь ничего не поможет.

4

Эпиграф: *Рекс имперавит, редактор правит*. Это написал над своим столом Лев Миронович Минц году в 1975 — он работал в «Вокруг света».

Во взаимоотношениях «всех троих» не вижу общей проблемы. В большинстве случаев отношения позитивны — от безусловно дружеских до в общем и целом сносных. Некоторые журналы высокомерны. Они не обращаются по имени, а только «Уважаемый автор», не указывают на конкретные отклонения от нормы, но велят внимательнее ознакомиться с правилами. Неприятно, но можно пережить.

Если статья по профилю журнала, если в ней «Введение» не совпадает с «Заключением» и если она написана человеческим языком, то ее практически наверняка примут. А если к ней много вопросов, то в большинстве случаев они оправданны и помогают улучшить текст. Выступая в роли рецензента, я никогда не хочу давать отрицательный отзыв, но в трех случаях из четырех даю именно такой. Довольно часто люди переделывают статьи, и новый вариант, как правило, оказывается существенно лучше.

Одна из общих причин конфликтов — невозможность вписаться в 1 а.л. и одновременно разжевать основные понятия, поскольку для этого требуется еще половина листа. Эта дилемма не имеет решения, каждый случай особый.

Еще одна общая проблема — слишком разреженная научная среда в современной России. Многим авторам не с кем поговорить, и их некому рецензировать. В общем и целом — пожалуиста, но ведь самое ценное — это указать на конкретные неточности и ошибки.

ОЛЬГА БОЙЦОВА

Я плюс-минус пятнадцать лет выступаю в трех ипостасях автора, редактора и рецензента, и смешные и конфликтные истории взаимодействия всех сторон публикационного процесса у меня, как и у других участников дискуссии, тоже накопились. Многие из этих историй так или иначе связаны с необоснованными требованиями. Скажем,

в западных журналах и издательствах просят предоставлять заранее полученное автором письменное разрешение на публикацию каждой иллюстрации. Это требование справедливо и выполнимо, если только вы не анализируете материал из старых журналов, которые перестали с тех пор выходить, а выпускавшие их издательства пережили распад СССР, смену имени и владельца, если вообще не прекратили существование. В таком случае статья с визуальным анализом рискует выйти вообще без картинок, потому что просить разрешение не у кого. Однажды редактор предложил мне самой найти художника, который бы нарисовал для меня картинку, похожие на те, что я анализирую! Однако конкретное содержание требований не так важно, если они кажутся необоснованными — это возмущает в любой роли, будь то роль автора, редактора или рецензента.

Как мне представляется, конфликты в отношениях авторов, редакторов и рецензентов — это спор о власти. Авторы подозревают, что рецензенты их текстов недостаточно компетентны, чтобы судить, и что редакторы своим отказом превышают собственные полномочия. Редакторов раздражает неспособность рецензентов написать отзыв в срок и нежелание авторов добросовестно подготовить рукопись к изданию, в чем им видится отношение к редакторам как к обслуге, которая делает всё за других. Рецензентов напрягает бесплатная работа, выполнения которой от них требуют, и тот факт, что редакция может не согласиться с их отзывом и принять решение, идущее вразрез с их мнением. При этом каждая из сторон возмущается тем, что две другие ведут себя нагло. В итоге же все три стороны, как мне кажется, зачастую спорят о том, «кто здесь главный».

Проблема, возможно, кроется в том, что эти три стороны формально не образуют иерархию, а равны друг другу по положению. Без автора публикации бы не было, но и без редактора и рецензента ее не было бы тоже. На самом деле «никто не главный». Это отражено даже в названии двойного слепого рецензирования: *peer review*, рецензирование равных. Автор порой считает, что рецензент ничего не смыслит, рецензент иногда полагает, что автору неплохо бы у него, рецензента, поучиться, а на деле они равны, никто не является учителем или учеником по отношению к другому. В их «слепом» поединке заслуги, степени и звания не имеют значения и не могут придать им веса. Никто из них не обязан принимать чужую точку зрения. Их поединок должен бы разрешить редактор, но поединок между равными по весу соперниками разрешить гораздо труднее, чем между добром и злом. Трем сторонам ничего не остается, кроме как договариваться, а в процессе договора опираться не на свои формальные роли, которые не дают им преимущества друг перед другом, а на доказательную базу и убедительность

своих позиций. Это кажется мне прекрасным в двойном слепом рецензировании: если в дело не вступают внеучные факторы вроде опознавания друг друга, то происходит чистый научный спор, в котором побеждает тот, чьи аргументы оказываются сильнее.

Я не имела никаких рычагов, чтобы надавить на редакцию западного журнала, требовавшего у меня разрешения на публикацию иллюстраций, зато я вспомнила о существовании «добросовестного использования» (“fair use”) в целях научного анализа, о котором они забыли в стремлении защитить авторское право. Эта история закончилась благополучно для всех — редакторы ведь тоже заинтересованы в том, чтобы журнал стал более красочным, а представленный в статье анализ изображений не остался голословным. Авторы, редакторы и рецензенты — мы делаем одно дело и заинтересованы в результате, в научном тексте, который будет опубликован в итоге. Я думаю, решение вопроса о мирном сосуществовании состоит как раз в том, чтобы договариваться.

АРСЕНИЙ ВЕРКЕЕВ

Редакция «АФ» предложила обсудить взаимоотношения двух «лагерей»: авторов и редакторов научных журналов. Между ними возникают конфликты, но обе группы номинально принадлежат к одному большому лагерю — науке. Как члены научного сообщества, те и другие разделяют общую заинтересованность в приросте научного знания. Откликаясь на предложение редакции «АФ», я попытался ответить на вопрос о том, при каких условиях возможно «мирное сосуществование» авторов, редакций и рецензентов.

Пойдем от противного. Антоним мирных и органических отношений — конфликт. Одним из факторов тяжелого течения конфликтов можно назвать контекст или среду, в которой они разворачиваются.

Например, представьте, что вы преодолели ощутимое число этажей по лестнице и сложную систему коридоров с целью добраться до офиса, чтобы подписать бумаги, лишь формально фиксирующие вашу трудовую деятельность, но содержательно к ней

не относящиеся. Подписать бумаги нужно в любом случае, и это понятно. Недоумение вызывает сложность, с которой придется искать офис: почему его не расположили ближе ко входу в здание или хотя бы не развесили по пути ясные указатели? Ваше раздражение и степень конфликтности взаимодействия с обитателями офиса будут тем сильнее, чем более далеко и сложно спрятан офис, *ceteris paribus* (это не вспоминая о возможности электронного документооборота). Следовательно, важнейшим атрибутом мирного сосуществования человека и упомянутого офиса стоит признать удобную и понятную среду, снижающую издержки взаимодействия и ограничивающую простор для развития конфликтов.

Часто можно слышать разговоры о том, что научное сообщество страдает от избыточной формализации исследовательской деятельности. Университеты находятся под регуляторной нагрузкой, ученые заполняют отчеты, вместо того чтобы производить новое знание и передавать его студентам. Заполнение документов отнимает время, силы, способно снижать мотивацию к содержательной работе. Влиять на эту ситуацию сложно: в некоторых случаях речь идет о государственной политике контрольно-надзорной деятельности, в других — о менеджериализации и бюрократизации самих университетов изнутри. Все это изменить «здесь и сейчас» не под силу. Но что могут сделать отдельные ученые на своих рабочих местах? В первую очередь исправить те ситуации, когда сами ученые создают избыточные сложности для научной деятельности.

Именно это происходит в ходе научной коммуникации, ключевым институтом которой являются журналы. Они контролируются редколлегиями, состоящими из ученых, и включены в деятельность по профессиональному саморегулированию научного сообщества. Авторы и редакции журналов, как и обстоятельства их общения, бывают разными. Но остановимся на наиболее распространенной ситуации — обращении автора в редакцию с целью подачи рукописи. Нетрудно проследить аналогию с приведенным ранее примером поиска нужного офиса: чем больше действий, содержательно не относящихся к рукописи, нужно совершить автору для ее подачи в журнал, тем больше он будет раздражен и тем более конфликтным будет взаимодействие между ним и редакцией.

В качестве контекста (среды) выступают правила подачи рукописей, определяемые редакциями для авторов. Это значит, что при неудобных, требующих дополнительных действий правилах более конфликтным будет взаимодействие с редакцией не просто конкретного автора, а всех авторов, подающих тексты в журнал. Если трактовать сосуществование как сумму всех

взаимодействий авторов и редакций, то эффект от неудобных правил пагубен для сосуществования авторов и редакций в целом. В условиях неудобных правил два лагеря, номинально принадлежащие к единому научному сообществу, все больше поляризуются.

С чем сталкиваются ученые в связи с публикацией рукописей статей? Если оставить в стороне затраты на собственно проведение исследования и понятные затраты вроде физических сил и времени на подготовку текстов, а также альтернативные издержки (упущенные выгоды от возможных альтернативных занятий, нежели написание научных статей), то остается как минимум два вида издержек.

С одной стороны, это издержки на преодоление барьеров профессиональной коммуникации, которые устанавливает сообщество ученых. Сюда входят, например, усилия по использованию профессионального сленга, терминологии, выстраиванию структуры текста в соответствии с принятыми в науке (дисциплине) нормами, следование определенным конвенциям в письме. Такие издержки низки для профессиональных ученых, членов сообщества, но высоки для авторов извне, «чужаков». В этом и заключается функция барьеров — отграничивать профессиональный дискурс от обыденного.

С другой стороны, есть издержки по визуальному оформлению научных текстов. Эти издержки также затрудняют коммуникацию, но уже скорее в схожей мере как для ученых, так и для «чужаков». Именно эти дополнительные издержки налагаются на авторов непосредственно журнальными редакциями.

Основной тезис этого текста в том, что российские журналы по социальным и гуманитарным наукам создают избыточные барьеры для научной коммуникации, предъявляя требования к оформлению рукописей, которые (1) разнятся от журнала к журналу; (2) порой не соответствуют общепринятым в мировой науке стилям оформления и (3) не сопровождаются программными решениями, например шаблонами стилей для программ — библиографических менеджеров; (4) предъявляются на этапе подачи рукописи, а не на этапе ее принятия к публикации.

Если бы этот текст претендовал на жанр аналитической записки, то рекомендациями для исследуемой сферы были бы следующие пункты: (1) принимать рукописи с любым стилем оформления библиографических ссылок на выбор автора (однако для удобства редакции и рецензентов это должен быть единый стиль во всей рукописи); (2) требовать оформления ссылок в соответствии со стилем журнала уже после принятия статьи к печати;

(3) требовать использования одного из готовых и распространенных стилей оформления ссылок, хорошо совместимого с библиографическими менеджерами вроде Zotero (например, такие стили, как Modern Language Association (MLA), American Psychological Association (APA) или Chicago), не изобретать уникальные для журнала стили, удачные на взгляд редакции, но на деле неудобные для авторов.

Авторам зачастую приходится мириться с отклонением рукописей, отправленных в журналы. Это происходит по самым разным причинам, не всегда связанным с качеством текста, например тематика текста не подходит, или конкретный рецензент принимает решения жестче, чем это сделал бы другой. Иногда авторам приходится отзываться рукописи и самостоятельно: скажем, сроки рассмотрения оказываются слишком велики. При повторной подаче рукописи в другой журнал чаще всего требуются значимые вложения времени в переоформление именно списка литературы и ссылок. Российская научная периодика имеет хороший шанс перейти к более удобным и стандартизированным требованиям к оформлению рукописей, по крайней мере внутри отдельных дисциплинарных областей. Данный текст — попытка приблизить эту ситуацию.

ДМИТРИЙ ГРОМОВ

1

Огорчает, когда качество текста ставится ниже корпоративных интересов, причем делают это порой и вполне уважаемые ученые. Например, однажды мне, в то время редактору журнала в некоем вузе, пришла подборка филологических статей, включающая и статью филолога N, скажем так, чересчур смело трактовавшего тексты русской классики. Так, в статье заявлялось, что князь Андрей Болконский был языческим волхвом и в своем имени практиковал обряды, основанные на аграрной магии; остальной текст был примерно в том же стиле. Я предложил воздержаться от публикации и в результате имел дело с делегацией филологов, претензии которых были такими: как вы смеете обижать нашего товарища, его статью мы утвердили на кафедре. Примечательно, что о качестве статьи не было сказано ни слова. На мой уточняющий вопрос делегация ответила: да, Андрей Болконский был волхвом,

мы тоже так считаем. С тех пор я с интересом слежу за творчеством филолога N, его стиль несколько не изменился, что ни статья, то открытие; порой сочувствую редакторам, которые встречаются на его пути.

2

Редактор — радость автора, если он действительно улучшил текст, причем не изменяя авторской концепции. Такие редактора есть. Автор — радость редактора и рецензента, если написал текст, не нуждающийся в редактировании. Таких авторов, к счастью, много. Как пример отличного редактора и рецензента могу привести Сергея Викторовича Чешко, который руководил НИСО в ИЭА РАН. Сейчас, к сожалению, его уже нет в живых. Должность начальника НИСО, мягко скажем, непростая, приходится принимать решения по всем книгам, которые выходят под грифом института, и это множество конфликтов с авторами, составителями, редакторами. Причем конфликты не с какими-то абстрактными посторонними людьми, а с коллегами, даже друзьями. Я с большим интересом наблюдал, как Сергей Викторович «разруливает» эти вопросы: он был очень принципиальным, строгим (его побаивались), но иногда умел идти на компромисс, правда, предварительно добившись своего настолько, насколько возможно.

3

Плохим редактором был один мой молодой коллега, который по неопытности пытался улучшить статьи, дополнив их собственными мыслями. Это у него быстро прошло, наука не пострадала.

Однажды познакомился сразу с двумя плохими авторами: муж и жена, «остепененные» психологи, узнали, чем я занимаюсь, и пообещали сдать в редактируемый мною научный альманах статью по итогам проведенного ими масштабного исследования, судя по рассказу, очень интересного. В итоге написали не одну, а целых две статьи, но в каждой было всего по полторы страницы текста, причем сумбурного. Обещали не оставлять вниманием и прислать статей еще. До сих пор не понимаю, что это было.

Рецензентов плохих не встречал, но слышал, что есть такие, кто «зачищает» конкурентов в своей узкой тематике и поэтому придирается к несчастным авторам незаслуженно.

4

Как показывает опыт, чаще всего в этом интеллектуальном треугольнике выстраиваются конструктивные отношения (хотя, конечно, всякое случается). Все трое должны понимать, что действия редактора и рецензента призваны по возможности помочь автору, а не досадить ему. Даже если редактор и рецензент неправы, автор должен учесть их замечания и постараться сделать текст лучше и доходчивее (если поймет редактор —

поймет и читатель). Коллективная работа над текстом для автора часто похожа на визит к зубному врачу — не очень приятно, но полезно. Рецензенту стоит не только критиковать автора, но и помочь ему советом (лично я часто вступаю с автором в переписку, тем более что вычислить его обычно нетрудно). Что касается редактора, ему больше, чем остальным двоим, стоит пожелать терпения, поскольку его работа — каждодневная и рутинная.

Д.Б.

Автор не имеет права.

Михаил Булгаков

1

Поскольку я пишу под девизом, то постараюсь максимально замаскироваться, хотя уверен, что коллеги легко меня вычислят (хочется думать, что по стилю, но скорее по реалиям). Веселых, грустных, возмутительных и показательных историй про авторов, редакторов и рецензентов в моей жизни было много — во всех трех ипостасях. Расскажу две.

История рецензента / автора. Некоторое время назад мне прислали на рецензирование небольшой сборник, составленный в основном из статей не очень профессиональных авторов. По ряду внаучных обстоятельств мне не хотелось отказываться, а наоборот — хотелось помочь этим авторам довести их тексты до публикательского уровня. Текстов было семь, и во втором из них, довольно коротком, я с изумлением обнаружил примерно три страницы, списанные слово в слово с моей книги 20-летней к тому времени давности. Не помню, что я написал в рецензии — что-то мягкое, что, мол, в статье такой-то хорошо бы перефразировать страницы с такой по такую, чтобы не было слишком похоже на уже опубликованное — но когда я получил этот сборник в подарок, текст этой статьи был в нем напечатан слово в слово так, как было в первоначальном варианте. Вот я и думаю: это слава? Или безобразие? К какой категории эта история относится — к возмутительным или к показательным? Не знаю...

История автора / редактора. Я составлял учебник довольно редкого языка, и мне приходилось придумывать (точнее, извлекать из имеющихся текстов) примеры употреблений разных слов, главным образом глаголов. Дело это тонкое; никогда не забуду, как хохотал мой главный информант, когда я спросил его, как можно употребить глагол «чесаться» на этом языке — можно ли, спросил я, сказать «Нос чешется»? Оказалось, что это не то чесаться, которое *itch*, а то, которое *scratch oneself*, и получился у меня совершенно гоголевский нос, который сидит и чешется, как собака... На глагол «торопить кого-то», который на этом языке от другого корня, чем «торопиться, спешить», я дал пример «Девушка его торопит». Дошло до корректуры, сидим с редактором, листаем страницу за страницей (дело было задолго до появления компьютеров). Доходим до этого примера — вижу, что он подчеркнут. «В чем дело?» — спрашиваю. — «Так нельзя», — говорит редакторша, слегка зардевшись. «Почему?» — недоумеваю я. «Ну, вы же понимаете», — говорит редакторша, зардевшись сильнее. «Честное слово, не понимаю», — говорю я. И я действительно не понимаю! «Мы же учебник выпускаем, его же школьники могут увидеть! — восклицает редакторша, становясь пунцовой, и смотрит на меня с ненавистью. — Напишите хотя бы “ее”!» Тут до меня доходит, и я начинаю смеяться, потому что, во-первых, в этом языке нет грамматического рода, так что «его» и «ее» не различаются, а во-вторых, если следовать этой логике, для редактора «ее» вроде бы должно быть еще хуже? Пример мы заменили — не помню на что...

2

3

Про идеалы — что же говорить, их не существует в природе, но они и идеалы. Можно было бы сказать, что идеальный автор для меня-рецензента — это который все мои замечания принимает и благодарит за них, а потом еще и выражает мне благодарность в первой сноске. А идеальный редактор для меня-автора — это, наоборот, такой, который аккуратно вычитывает все мои описки, опечатки и нелогичности, выверяет все мои перевранные имена, даты и ссылки, и при этом пишет в каждом письме, какой замечательный текст я написал. А идеальный рецензент для меня-автора — это тот, кто начинает и заканчивает свою рецензию славословиями, мол, новое слово в науке, нужно немедленно опубликовать, а в середине пишет, что ему показалось, что запятая на странице 17 лишняя.

Только что тут говорить: не встречал я таких идеальных — ни авторов, ни рецензентов, ни редакторов, и скорее всего, никогда не встречу. К счастью.

Соответственно мои антигерои — те, кто поступают ровно наоборот: задают мне-автору неприятные вопросы, тыкают меня

носом в мои же глупости, в грубой форме отказываются принимать мудрые замечания меня-рецензента или меня-редактора...

4

«Мирное сосуществование» тут, конечно, возможно, но только хорошо бы не забывать, когда возник этот термин и что он означает. «Мирное сосуществование» — это когда на одной Земле рядом оказываются две совершенно противоположные, ненавидящие и боящиеся друг друга, вооруженные до зубов политические системы. Если им удастся какое-то время не убивать друг друга — это и есть «мирное сосуществование». Пока что авторам, редакторам и рецензентам это вроде бы удастся, но нет никакой гарантии, что так будет продолжаться вечно.

Мне кажется, что в этом вопросе есть еще один аспект, который в вопросы «Форума» не попал и который меня беспокоит. Ситуация усложняется в разы, когда число авторов, редакторов или рецензентов становится больше одного, т.е. когда авторов двое, или когда после одного редактора текст смотрит второй, или когда у присланной в журнал статьи два рецензента.

Два автора одной статьи или книги — это как две хозяйки на одной кухне: каждая считает себя настоящей хозяйкой и неприязненно наблюдает за действиями второй. Два рецензента — вещь обычная, и все спокойно, пока их мнение совпадает — а если нет? Если они высказывают противоположные суждения? Если им не нравится разное в тексте? Если один требует сократить теоретическую часть (да еще и, скажем, написанную одним автором), а второй, наоборот, расширить ее? Ужас...

Но страшнее всего два редактора. Тут вступает в действие старое правило, знакомое всем без исключения. Это правило трудно сформулировать, но просто показать на примере. Вот вы вызвали водопроводчика, он пришел, смотрит на текущий кран и говорит: «Какой дурак ставил вам эти краны?!» Или вы вызвали врача, он смотрит на рецепт, выписанный предыдущим врачом, и спрашивает ласково: «Ну и зачем вам это выписали?!» Или у вас ремонт, и мастер восклицает: «Боже, кто вам так обои наклеил?!» И так далее.

То же и с редакторами: если после одного редактора текст попадает к другому, все поправки первого редактора в глазах второго оказываются совершенно неправильными, и к тому же этот второй находит множество мест, которые первый якобы пропустил. А потом текст с правкой второго редактора снова попадает на глаза первому... Ужас.

Бедный автор. Кому из них верить? Нормальный автор не знает справочники Розенталя наизусть и вынужден соглашаться

с обоими, потому что они говорят так уверенно, так убедительно, хотя и противоположное. А автор — что автор? Автор, как гениально сформулировал Булгаков, «не имеет права».

D.E.

2 Для меня «редактор мечты» — в первую очередь эрудированный специалист, который не пройдет мимо фактической ошибки или допущенной нелепости. Идеальный редактор — это своего рода сократовская повитуха (ср. диалог Платона «Теэтет»): он помогает «произвести на свет» максимально удачную формулировку, довести до логического конца мысль, при необходимости повернуть ракурс исследования в нужную сторону. (Впрочем, те же задачи стоят и перед идеальным рецензентом — с той лишь разницей, что он не обязан работать с текстом.) Наряду с профессионализмом подобный идеальный редактор умеет выдержать баланс между корректным, уважительным стилем общения и принципиальностью. Мне как автору несколько раз приходилось иметь дело с такими редакторами, и благодарность им безмерна, хотя работа над статьями была, признаться, совсем нелегкой. (Естественно, и авторские установки, и редакторские стратегии различаются, соответственно разными будут и представления об идеале. Предположу, что для авторов, не терпящих постороннего вмешательства в свой текст, «мечтой» будет вообще отсутствие редактора или, на худой конец, редактор, выполняющий чисто техническую работу.)

«Автор — мечта редактора» — тот, чья статья не нуждается в какой-то особенной правке, кто ясно формулирует и логично излагает (кстати, практика показывает, что у таких авторов часто все в порядке и с оформлением), а если к нему и возникают вопросы, то он вполне доброжелателен и готов к обсуждению. И еще один момент, впрочем субъективный: если для редактора статья вдобавок сама по себе важна или просто интересна, это

можно назвать настоящим везением. Идеальный автор — не только тот, с кем легко работать, это еще и тот, у которого можно научиться, из статьи которого черпается полезная информация. Могу сказать, что мне в редакционной практике в этом смысле везло довольно часто.

«Рецензент — мечта обоих» возможен, мне кажется, в одной определенной ситуации: когда статья, на которую пишут отзыв, не является вздорной или бессмысленной. В противном случае «мечта редакции», к удовольствию последней предлагая отклонить статью, явно не будет «мечтой автора», и наоборот. Идеальный рецензент высказывает внятные, конкретные замечания — именно такие, какие позволяют улучшить качество статьи, если автор готов к ним прислушаться. Кроме того, хотелось бы отметить ценную способность некоторых рецензентов отстраняться от установок собственной научной школы, если статья написана представителем иного направления, и оценивать работу по существу, а не через призму единственно верной «своей» и недопустимой «чужой» позиции. На самом деле внимательных рецензентов, отношение которых к написанию отзыва не грешит ни формализмом, ни субъективностью, немало, но мне бы хотелось отметить экстраординарные (и восхитившие меня в свое время) случаи.

1. Рецензент X подошел к своей задаче настолько серьезно, что его отзыв (положительный, хотя и содержащий критику) скорее напоминал мини-статью (с детальной аргументацией и даже со сносками, ссылками на литературу, разделами и подзаголовками).

2. Рецензент Y совершенно не был согласен с выводами автора, о чем честно написал, однако, отметив ряд погрешностей, все же признал академическую ценность статьи и рекомендовал ее к печати.

3

Следующие портреты не списаны с конкретных людей, но представляют собой набор более или менее часто встречающихся стратегий поведения разных редакторов, рецензентов и авторов (впрочем, приходится признать, что иные проявления этих стратегий пишущий эти строки иногда с неловкостью замечает и за собой). В любом случае необходимо отметить, что описанные ниже «пороки» (которые кого-то раздражают, а кого-то, может быть, вполне устраивают) не идут ни в какое сравнение с некомпетентностью.

Первый тип «антигероя»-редактора — «формалист». Его работа скорее ограничивается техническим оформлением и иногда правкой из области так называемой вкусовщины. Вопросов по существу он предпочитает не задавать, оставляя на совести

автора любые неясные или спорные высказывания. Второй тип — «диктатор», о котором можно сказать, что это редактор, претендующий на роль «повитухи» (см. выше), но нетолерантный и безапелляционный. Он недвусмысленно дает понять, что любое мнение, отличное от его собственного, неверно, что он определенно знает, как на самом деле следует интерпретировать материал и как эту статью следовало бы правильно написать. Работа, написанная в русле не той научной школы, к которой он принадлежит или из которой вышел, заведомо вызывает у него плохо скрываемое раздражение.

Среди «антигероев»-авторов тоже можно выделить нескольких типов. У «безразличного» автора, как правило, статья написана небрежно, в цитатах искажения, часть вопросов редактора он вовсе не замечает, на другую реагирует таким образом, что понять смысл правки с первого раза затруднительно. Кажется, он бы не возражал, если бы редактор ответил на все свои вопросы сам и поскорее избавил бы его от этой мороки. «Чувствительный» автор, напротив, болезненно относится к любому вмешательству в текст, а тот факт, что его просят что-то уточнить (особенно если редактор, выражаясь армейски, младший по званию), может вызывать у него недоумение. Среди последних изредка встречается подтип «казуиста». Такой автор обычно прекрасно ориентируется в редакционно-издательской проблематике и не оставляет без комментариев (часто многословных) не только вопросы и правку, но и элементы оформительского стиля журнала, например он лучше редакции знает, в какую сторону должны быть направлены кавычки-«лапки» и нужна ли тексту на русском языке буква ё.

Наконец, рецензент-«антигерой» ограничивается самыми общими суждениями относительно работы. Это, может быть, допустимо, если замечаний нет, а отзыв полностью положителен, но «черная» рецензия такого рода бессмысленна, даже вредна, поскольку может спровоцировать конфликт между автором и редакцией. Хуже всего, впрочем, когда автор статьи и автор экспертизы вступают в полемику, транслируя ее (поскольку не общаются напрямую), естественно, на редакцию, которой неизбежно придется принимать одну из сторон. Конфликт между автором и рецензентом, усугубленный (взаимным) опознаванием, пожалуй, одна из наиболее неприятных и болезненных ситуаций, ущерб в которой так или иначе несет все.

4

Наверное, это банально, но «мирное сосуществование» возможно, если все участники отдают себе отчет в правилах игры и в полномочиях сторон. Редакция может быть не согласна с рецензентом и принять статью, им забракованную. Есть вещи, на которых может настаивать редакция, и вещи, на которых может

настаивать автор. Другие необходимые условия — проявление уважительного отношения друг к другу и готовность искать компромиссы, обсуждать и договариваться, при этом ясно обозначая зону своих интересов.

АЛЕКСАНДР ЖЕЛТОВ

Прежде всего следует отметить, что предлагаемая тема для дискуссии, в отличие от предыдущей «Тенденции изменения научного ландшафта», предполагает больше внимания к собственно академической проблематике, чем к взаимодействию науки с «внешним» административным дискурсом. Это делает ее менее публицистически острой, но позволяет обсудить серьезные внутренние проблемы. Мой опыт взаимодействия с «Антропологическим форумом» ограничивается только не самым активным участием в качестве автора, но причастность к работе двух редколлегий / редсоветов журналов («Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика» и «Кунсткамера»), работа в качестве одного из двух соредакторов в новом журнале “Language in Africa”, редакторство / соредакторство в 16 отдельных научных изданиях, работа в программных комитетах конференций и опыт рецензента / автора в разных научных изданиях все же стимулируют к участию в дискуссии.

В контексте предложенной темы логичной представляется следующая структура заметки: 1) объективные факторы, 2) личный опыт 3) проблемы. Первый и третий разделы будут достаточно краткими, а основную сущностную проблематику с подразделами (автор, рецензент, редактор) я вынесу во вторую часть.

1

Все больше влияющая на нас наукометрия заставляет нас следовать при издании журналов определенным нормам — международный характер редколлегии, рецензентов и авторов, доступность онлайн-версий,

двойное анонимное рецензирование, в принципе вполне разумным (в отличие от множества других бюрократических требований). Абстрагируясь от частных деталей, трудно возразить справедливости подобного запроса на качественную экспертизу. Но знание о реальном научном процессе говорит о том, что где-то должны приобретать опыт молодые исследователи, где-то должна быть возможность опубликовать какие-то предварительные результаты, реакция на которые поможет скорректировать дальнейшие исследования. Исходя из этого необходима сложная система научных публикаций разного уровня. При этом деление науки на «отечественную / зарубежную» («Первый раз в отечественной науке...») или «молодежную / взрослую» не должно быть определяющим.

2

2.1. Автор

Когда мне в мои студенческие / аспирантские годы старшие коллеги говорили, что им все в моем тексте понравилось, я понимал, что либо мой текст, либо я сам их не заинтересовали совсем. Но мне повезло, это был редкий случай. Когда я в первый раз (на 4 курсе) попытался поделиться своими «открытиями» со старшим коллегой, я, произнеся всего лишь несколько фраз, прослушал часовую лекцию о том, как это нужно делать и аргументировать и в чем я категорически не прав. После чего меня довольно долго слушали с моими аргументами и неожиданно пригласили на ближайшую вполне взрослую конференцию, с которой и начался мой путь в науку. При такой школе моя толерантность к критике как автора весьма высока. На одну из своих последних статей я получил отзыв, который был по объему больше, чем собственно статья, с резюме “resubmit”. Понятно, что первая реакция — бросить эту статью и не публиковать. Но когда читаешь комментарии / замечания, начинаешь уважать коллегу, потратившего столько времени на твой текст, и понимаешь, что многое вполне справедливо и может твою статью улучшить (часто не все, и это уже работа редактора журнала). Ключевым моментом в этой ситуации является уважительная / неуважительная тональность отзыва. И это заставляет корректировать и свои отзывы в качестве рецензента.

2.2. Рецензент

Основная проблема рецензента состоит в том, что не всегда тематика предлагаемого на рецензирование текста является действительно профильной для рецензента. Но не всегда можно отказаться, особенно если ты сам редактор журнала. Понятно, что часто круг научной тематики предлагаемых статей шире

графы «научные интересы» в CV потенциальных рецензентов. Я как рецензент стараюсь руководствоваться следующими принципами:

2.2.1. Если я знаю специалиста, больше подходящего к рецензируемому тексту, я советую обратиться к нему.

2.2.2. Если в статье есть очевидные некорректные заимствования, понятные мне антинаучные данные, игнорирование некоторой важной для темы научной традиции, совсем отсутствуют новые данные / идеи, я пишу отрицательный отзыв.

2.2.3. Если я понимаю высокий уровень статьи, превосходящий мое знание о предмете, я пишу короткий положительный отзыв.

2.2.4. Самый трудный случай — промежуточный, когда в статье есть рациональное / эвристическое зерно, но много недостатков — часто приходится тратить время, соотносимое со временем, которое может быть затрачено на собственную статью, чтобы объяснить свои замечания.

2.2.5. В любом случае следует помнить о корректности стиля.

2.3. Редактор

Редактор журнала очень близок к позиции рецензента, но всегда обременен необходимостью сохранения периодичности выхода журнала. Конечно, редактор не должен допускать публикации, относящиеся к пункту 2.2.2, даже если рецензенты это пропускают. Но в случае с пунктом 2.2.4 роль редактора повышается: он часто выступает дополнительным рецензентом или модератором между автором и рецензентом.

3. Проблемы

1. Есть много довольно узких областей знаний, где автора / рецензента легко узнать / вычислить. Это ставит вопрос о необходимости «псевдо» анонимности, создающей ощущение некоторого лицемерия, недопустимого в науке.

2. Чем более компетентен рецензент в теме статьи, тем более критичным будет отзыв, а этот выбор относится к сфере работы редактора, что допускает субъективность.

3. В принципе редактор, выбирая более / менее критичных / лояльных рецензентов, в значительной степени управляет процессом рецензирования / публикации статей.

В целом следует признать, что предлагаемая сейчас многими научными журналами система публикации статей хоть и не идеальна, но вполне разумна. Ее применение и конкретная реализация, конечно, во многом зависят от личной добро-

совестности / компетентности редакторов, рецензентов и авторов, но без этого не будет работать никакая система.

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

1

Вспоминается давняя история начала 1990-х гг. В один из московских журналов я представила статью о своем учителе Ирине Михайловне Колесницкой. В статье говорилось, что среди довоенного студенческого окружения Колесницкой была Л.М. Лотман. Я имела в виду, конечно, Лидию Михайловну Лотман. Редактирование статьи производилось, как бы мы сейчас сказали, «на удаленке». Но было это в начале 1990-х гг., электронная почта была еще не в ходу, поэтому редактор журнала, не связавшись со мной, заменил Л.М. Лотман на Ю.М. Лотман, решив, по видимому, что в статье у меня опечатка. (Могу еще представить, как редактор веселился над этой опечаткой.) Так с именем Ю.М. Лотмана я и получила оттиски этой уже опубликованной статьи. Встречаю в Пушкинском Доме Лидию Михайловну Лотман, дарю ей оттиск статьи об Ирине Михайловне и извиняюсь за редакторскую правку в имени. Лидия Михайловна мне в ответ: «Не волнуйтесь, Танечка. Все филологи делятся на три группы: одни знают и Ю.М. Лотмана, и Л.М. Лотман; другие знают только Ю.М. Лотмана; а третьи никого не знают».

Кстати, в этой же статье я писала что-то о первом *эдиционном* опыте И.М. Колесницкой — об участии ее в довоенном издании сказок сибирского сказочника Сороковикова-Магая. Издание было осуществлено М.К. Азадовским, учителем Ирины Михайловны. В моей статье, опять-таки без уведомления меня, появилась фраза об *экспедиционном* опыте. И.М. Колесницкая в Сибири никогда не была, это М.К. Азадовский, как собиратель, работал с Сороковиковым-Магаем. Хотела написать в редакцию журнала, чтобы где-то опубликовали исправления к статье, но поленилась.

Мораль этой истории понятна: редактор, работая в отрыве от автора, должен согласовывать каждый свой шаг с ним. Но это в идеале. Иногда редактор поставлен в жесткие временные рамки (например, редактирование сборника к началу конференции), а авторы присылают статьи, выходящие за формат (оговоренный объем статей). Тогда приходится волевым решением сокращать статьи, не проговаривая каждый свой шаг. Каюсь, сама как редактор бывала в таком положении. Наверное, что-то делала не так, как хотел бы тот или иной автор.

2

В связке «автор — рецензент — редактор», если не говорить об авторе, мне представляется важнейшей фигурой рецензент. Мой идеальный рецензент — внимательно прочитавший работу автора коллега, вдумчивый, въедливый, придирчивый. Давайте не будем лукавить: всем нам приходилось сталкиваться с ситуацией, когда рецензент чисто формально писал кратенькую хвалебную рецензию, вынося вердикт — печатать можно. Знаю случаи, когда автор сам писал рецензию и давал ее подписать рецензенту. Каюсь, в роли такого «рецензента» приходилось выступать и мне самой.

Мой же идеальный рецензент, повторю, — въедливый и придирчивый (конечно, при этом и корректный) коллега, научные интересы которого максимально близки к теме, разрабатываемой автором. Последнее очень и очень важно. Именно от такого рецензента можно ждать существенных и полезных замечаний. Недавно я как руководитель прошла через составление и научное редактирование большого пятитомного труда «Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.» (СПб., 2016–2020. Т. 1–5). Рукопись каждого тома, естественно, проходила через двух внутренних рецензентов. Конечно, приятно было читать текст, где рукопись очередного тома хвалили, говоря о значимости проделанной работы. Но мне-то как составителю нужны были замечания: пропуски каких-то персонажей, фактические ошибки, стилистические промахи, прямые опечатки и т.д. Когда я получала такого рода рецензию, то не напрягалась, а радовалась. Значит, есть над чем работать дальше. И, кстати, существенно дополняла первоначально поданный том, реагировала на замечания и т.д.

Очень удивляюсь, когда рецензию с замечаниями автор почему-то воспринимает как «отрицательную». Опять-таки из своего опыта. Недавно мне пришлось выступать в качестве внутреннего рецензента большого и очень интересного труда — издания материалов видного этнолога начала XX в. Документальный материал, собранный в рукописи, великолепный, что и было сказано в рецензии. Рукопись получила одобрительную оценку. Но научный аппарат вокруг этого материала требовал некоторой

доработки, на чем я и сосредоточилась («площадь» рецензии максимально была отдана замечаниям и предложениям). Второй рецензент сосредоточился, напротив, на самом документальном материале, подчеркнув его достоинства. Почему-то на обсуждении рукописи авторами труда моя рецензия была названа «отрицательной», а вторая рецензия, где не было высказано ни одного замечания, — «положительной». Автор вправе принять замечание или не принять. Но умный автор просто игнорировать замечания никогда не будет.

Сама я пишу внутренние рецензии по формуле: один абзац о значимости темы и положительная оценка рукописи (если оценка таковая) + замечания и предложения (а здесь можно развернуться и на 2–3–4 страницы). Кстати, очень не люблю новомодные схемы, используемые журналами (кажется, «Антропологический форум» также работает с подобной схемой), с пунктами оценки статьи (актуальность темы, новизна материала, стиль и пр.). Меня всегда как рецензента ставит в тупик необходимость выставить оценку (как в школе!) по тому или иному пункту.

Теперь о редакторе в триаде «автор — рецензент — редактор». Как это ни покажется странным, но в моем представлении роль редактора, столь значимая в сущностном плане (от него зависит, пойдет статья в печать или не пойдет), не столь значима, как роль рецензента. Редактор нередко в профессиональном плане может быть далек от темы, которую представил автор. Следовательно, и замечания его будут не столь существенны, как у рецензента. Но редактор, естественно, также нужен: я имею в виду и научного редактора, и издательского. Я как автор всегда без капризов иду навстречу стилистическим замечаниям редактора, охотно соглашаюсь на изменение заглавия статьи и пр.

4

По правде сказать, меня несколько удивил четвертый пункт в вопроснике: «Что вы вообще думаете о взаимоотношениях и взаимодействии этих трех сторон? Возможно ли здесь “мирное сосуществование” и если да, то при каких условиях?» А разве у нас сейчас нет мирного сосуществования? Самая конфликтная ситуация — это когда редакция на первом этапе отказывает автору в публикации статьи. Но в таком случае и никакого договора между «автором — рецензентом — редактором» быть не может. А коли статья принята редакцией, то автору следует просто адекватно прислушиваться к замечаниям, а рецензенту и редактору быть нормально корректным. Все очень просто.

СВЕТЛАНА КЛЕЙНЕР

1

Историй, разумеется, много, но одна из них — веселая, грустная, возмутительная и показательная одновременно. Это история про автора, проект которого не хотело брать ни одно издательство, потому что у автора неоднозначная репутация и взгляды, причем сугубо научные, а не общественно-политические. Редактор одной из наших серий решил взять его под предварительный контракт и принять окончательное решение на стадии peer review. Дальше у нас возникла проблема с поиском рецензентов, потому что никто не хотел брать рукопись на отзыв. После пары десятков отказов нам все-таки удалось найти двоих. Один был поклонником творчества автора, а второй не был. В итоге вторая рецензия вышла отрицательной, но и первая положительной не была и содержала много замечаний по существу, причем некоторые из них были серьезными и принципиальными. Мы сообщили об этом редактору серии, а тот отправил автору анонимизированные рецензии с вердиктом «увы, но отказать». Примерно месяц после этого я, мое начальство и редакторы серии получали длинные злые письма, в которых автор утверждал, что мы нарочно выбрали таких рецензентов, что мы сразу хотели его завалить, что он в отместку завалит нас на всех форумах и площадках — и вообще мы последние сволочи. В копию автор ставил каких-то своих знакомых и коллег. Попытки поговорить не принесли никакого результата, и писать он перестал, только когда мы посоветовались и перестали ему отвечать. Так издательство, которое было готово опубликовать спорную монографию, если она будет высокого качества, оказалось крайним, да еще и как минимум три профессора, которые были совсем ни при чем, месяц читали о том, как мы нарочно подбираем рецензентов, чтобы завалить неудобную книжку.

2

Рецензент — мечта редактора — это человек, который присылает рецензию в срок и четко пишет, в чем сильные и слабые стороны

рукописи. Если со вторым проблем нет, то первое — это бесконечная головная боль, постоянные напоминания и отсрочки вплоть до «Вы знаете, прошло пять месяцев, и я понял, что не напишу вам рецензию» (это реальный случай, и это, конечно, рецензент-антигерой). Идеальные рецензенты, впрочем, падают — ну или почти идеальные, которые вспоминают про рецензию после первого же напоминания и присылают ее на следующий день.

Автор — мечта редактора — это человек, который не хамит и четко пишет по делу. И всё, по-моему. Таких очень много.

Еще идеальные люди отвечают на письма — огромный процент писем падает в какую-то черную дыру, причем не отвечают как рецензенты, так и авторы. Если первое понятно, то второе теоретически грозит разрывом контракта. Но мы привычные: мы ждем, напоминаем, совещаемся — и снова ждем. Иногда — реальный случай! — годами.

3

Составлю персонажа Икс из реальных кейсов.

На стадии proposal моя коллега высылает Икс электронную форму, чтобы проект попал в нашу систему (объясняя в письме, зачем это нужно), и получает ответ: «У вас уже есть мой полный черновик, и я совершенно не вижу смысла в электронной форме, поэтому разбирайтесь как-нибудь сами. И вообще, еще раз напишете it's вместо its — и я прекращу наш разговор!» В этом гневном письме две опечатки, одна из которых создает грубую грамматическую ошибку. На дальнейшие письма коллеги Икс не отвечает.

На стадии контракта Икс начинает торговаться и требовать объяснить то или иное положение контракта, а потом пропадает. Контракт, на который потрачена уйма времени и сил, месяцами висит в системе без подписи.

На стадии «ждем рукопись» Икс исчезает и не отвечает на наши попытки достучаться. Сроки выходят. В ответ на пятое напоминание Икс отвечает, что сейчас вообще-то не до книжки, но она, так и быть, будет в ноябре. И пропадает снова до новогодних праздников, когда, конечно, уже снова не до книжки.

Рукопись наконец приходит — и Икс страшно удивляется, что peer review занимает немало времени, потому что вообще-то кровь из носа надо, чтобы книжка вышла уже в этом году. Икс пишет: «Мне надоели эти задержки. Либо рецензия приходит к дню рождения Пушкина, либо книжки не будет». Иногда Икс из этого абзаца и предыдущего — это разные люди. Но иногда это один и тот же человек, и жить становится совсем интересно.

Наконец рукопись уходит в печать. Икс пишет: «А мне ведь пришлют гранки? А я ведь смогу тогда что-то в тексте поменять и пару абзацев добавить?» Еще Икс начинает волноваться, что всё пойдет не так, и бомбардирует редактора письмами «А что если...» и «Десять минут назад я задал вам вопрос и до сих пор не получил ответа!» Иногда что-то в самом деле идет не так, и Икс пишет три подряд письма со словами «Ваши сотрудники бесполезны! Я не могу с ними работать! Сделайте что-нибудь», а через сутки пишет: «Ой, вы знаете, тут оказалось, что я не те файлы вашей коллеге отправил».

Книга вышла. Икс получает свои экземпляры и пишет: «Что вы наделали?! Вы запихнули содержание после предисловия, а оно 50 страниц! Это же дико неудобно!» Этот вопрос, разумеется, обсуждался на стадии правок, и есть переписка, в которой Икс говорит, что всё в порядке, именно так и надо. Всё это, впрочем, не имеет никакого значения, потому что Икс в гневе.

4

Мне кажется, что если все стороны понимают, что другие люди могут ошибаться, забывать и чего-то не понимать, то всё идет хорошо. Поэтому я и считаю умение не хамить одним из идеальных качеств. В целом если не всё, то многое поправимо и обсуждаемо. А вот если кто-то из участников процесса приходит с позиции, что ему все должны, будь то автор, редактор или рецензент, то ничего хорошего, разумеется, не выйдет. Условие номер один, таким образом, это доброжелательность и вера в то, что люди делают то, что они делают, не для того чтобы специально нам навредить, а потому, что они люди.

НАТАЛЬЯ КОВАЛЕВА

Впервые я столкнулась со «странным» рецензентом, когда пыталась опубликовать главу своей диссертации, переработав ее в самостоятельную статью. Я отправила ее в журнал региональной профессиональной организации. Получив рецензии, я очень удивилась. Две рецензии с противоположными рекомендациями сопровождались письмом от редакции с отказом. Одна рецензия состояла из комментария на полстранички, который сводился к тому, что статья не подходит для журнала. Другая была на двух страницах, с датой и подписью рецензента, который общал, что верит в прозрачность и потому раскрывает свое имя, а также что он — внимание! — знает, кто я, потому что нашел

в «Гугле» мою диссертацию, доступную онлайн в репозитории университета. Кроме того, он заявлял, что я мало понимаю в дискурсе, и перечислял более конкретные возражения, но, как мне показалось, отнюдь не отказывал мне в возможности отредактировать текст.

Я была согласна с первым рецензентом, что статья не очень подходила для этого журнала. Мне и самой случалось рецензировать для него статьи, так что я понимала, что мой текст на грани приемлемого. Но тогда я еще не так хорошо разбиралась в журнальных конвенциях и этике двойного слепого рецензирования, чтобы обратить внимание редактора на их явное нарушение. Для меня до сих пор остается загадкой, почему редакция это допустила. Ведь решение об отказе она, конечно же, принимала на основе замечаний рецензентов. Но почему не запросили третью рецензию?

Выбор редакции пал на моего нарушителя правил вряд ли случайно. Я ссылалась на его работу, хотя и скептически относилась к его методологии, не была в восторге от интерпретации материала, считала некоторые его фундаментальные допущения ошибочными и находила слабые места в его теоретизировании о языке и обществе. Его труд не сыграл сколько-нибудь решающей роли в моем исследовании, и упоминание о нем осталось только в обзоре литературы. При таком критерии отбора моими рецензентами могли стать еще добрых три десятка авторов. Но, как я узнала позже, возможности редакторов безграничны: не так-то просто подобрать рецензента, который одновременно обладал бы экспертным знанием в нужной области и согласился бы написать рецензию в нужные журналу сроки. Мой рецензент к тому же жил в этом регионе и, видимо, раньше писал рецензии для журнала, так что на выбор повлиял и фактор локальных связей. Я прекрасно понимала, что никогда не узнаю всей правды об этом редакционном решении, и через два месяца после «инцидента» подписала контракт на издание книги и опубликовала отредактированную версию диссертации в виде монографии.

По сравнению со страшилками из академического фольклора на тему требований во что бы то ни стало публиковаться («публикуйся или/и умри») в этой истории в общем-то ничего особенного не произошло. И тем не менее она дала мне возможность еще раз задуматься о практиках академического производства знания и тех привычках и поведенческих особенностях, которые их формируют. Локальные связи важны. Специалистов по отдельным узким темам часто можно пересчитать по пальцам одной руки. В ситуации, когда рецензенты работают бесплатно, по доброте душевной (хотя кое-кто не упускает возможности поупиваться властью), известная формула «исследование — это

диалог» обретает особое значение. Вероятность того, что люди, на которых вы ссылаетесь, будут вас читать, действительно очень велика, и это надо учитывать. В связи с приведенным выше сюжетом стоит упомянуть еще три аспекта процесса рецензирования: комментарии для редактора, степени въедливости рецензента и анонимность (она же «слепое рецензирование»).

Замечания для автора не то же самое, что комментарии для редактора

В комментариях моего нетрадиционного рецензента я увидела предложения, как улучшить статью для повторной подачи, но это отнюдь не значит, что он то же самое сказал редакторам. Пока я выступала только в роли автора, я не предполагала, что рецензентов просят прислать два набора комментариев. Один — для автора, второй — только для редактора. Уверена, редакторы могут рассказать о многочисленных случаях расхождений между этими двумя текстами. Я сама систематически попадаю в неловкую ситуацию, когда рецензируемая статья требует серьезной доработки, а то и полного переписывания (читай, явный кандидат на отклонение без рецензирования, которому каким-то образом удалось избежать этой участи). Подыскивая слова в адрес автора, я балансирую между желанием дать конструктивный отклик и посоветовать подыскать другое пристанище для этого исследования и втайне надеюсь, что автор умеет читать между строк и сам отзовет свой текст, чтобы привести его в порядок. Но часто мои дипломатические танцы не производят желаемого эффекта, и я получаю новую версию рукописи, где старательно учтены мои советы по мелким доработкам (например, вычищен список литературы, данные сведены в таблицы, переставлены местами параграфы), но оставлены без изменений фокус исследования, структура или обоснование выводов. Иногда это происходит даже несмотря на мою записку редактору о том, что статья безнадежна. Если более прямо: авторы склонны воспринимать замечания о слабостях статьи как если бы это были советы, как улучшить текст на микроуровне и тем самым сделать его более пригодным для публикации, даже если вместе взятые эти комментарии читаются как «отчет о вскрытии» с общим итогом «пациент скорее мертв». Но в игру всегда может вступить второй (а иногда и третий) рецензент, или редактор сам может принять волевое решение о публикации. Когда к моим намекам присоединяется их энтузиазм, статью могут и принять.

Бывают рецензенты — и рецензенты

Заказчики рецензии обычно дают критерии оценки и тем самым устанавливают шкалу контроля качества. Конференции, как

правило, приветствуют незавершенные исследования. Журналы имеют дело в первую очередь с уже хорошо сформулированными идеями и отводят лишь немного пространства для малых жанров, которые не проходят рецензирование, — рецензий на книги, форумов, отчетов о конференциях и разных симпозиумах и т.п. В результате рецензенты для конференций с большей вероятностью пропустят многообещающее исследование на первых стадиях реализации, а давать более детальные комментарии авторам и размышлять о потенциальных достоинствах будущего законченного текста оставят дискуссионкам, которые смогут уделить больше времени каждому докладу. Как следствие, конференции отсеивают гораздо меньше работ, чем журналы, которые оценивают каждую полученную заявку как потенциальную публикацию в одном из будущих выпусков. С учетом этого обстоятельства журнальные отказы (если, конечно, статья вписывается в тематику издания) вполне можно читать как «едва ли этот текст может быть переписан в устраивающие нас сроки».

Эта иерархия журналов и конференций определяет и объем помощи, на который могут рассчитывать авторы. Молодым исследователям особенно важно понимать: студенческое эссе, которое получило одобрение профессора, имеет шансы быть принятым на конференцию, но в журнале оно обречено на безжалостную критику рецензентов. Прежде чем курсовую работу примут к публикации, потребуется огромная доработка. Наращивание толстой кожи и выработка собственной тактики обращения с критикой — неотъемлемая часть этого процесса. На конференциях мне доводилось встречать великолепных дискуссионщиков. Но случалось видеть и таких, кто своими жесткими комментариями разносил в клочья всех выступающих. Из таких примеров становится очевидно, что в разных академических сообществах наука понимается неодинаково. Кто-то придерживается (по большей части) аристотелевской идеи, что к членству в какой-либо категории допускаются только обладатели всех необходимых качеств. Аристотелианцы в душе не могут допустить в свой клуб обладателей лишь отдельных признаков и не делают скидок для особых групп. По их мнению, или работа удовлетворяет всем критериям без исключения, или она вообще не считается научной.

К счастью, есть и другой способ членения окружающего мира, а именно формирование категорий на основе семейного сходства: самые типичные представители располагаются в центре группы, ближе к краям — обладатели отдельных, не всех, фамильных черт. Например, наиболее узнаваемыми представителями «семейства» исследований считаются результаты экспериментов, однако размышления о состоянии дисциплины, ее

истории или преподавании принадлежат тому же самому научному «семейству», а не, скажем, классу художественной литературы или поваренных книг. На нашем пути могут встретиться рецензенты и редакторы из любого из этих лагерей. Рецензенты, которые видят свою миссию в том, чтобы возвращать молодых исследователей и помогать оригинальным идеям расцвести полным цветом, более благожелательны к работам, которые не отвечают критериям «чистого» представителя «семейства» исследований. Но есть и такие, кто считает себя верными стражами академической строгости. Они отвергают текст, который «не содержит ничего нового», или не ссылается на все ключевые работы по теме, или не настолько погружен в современные дискуссии в своей области, как хотелось бы рецензенту. Автор же может догадаться, какой тип рецензента ему достался, только постфактум. Но это несложно, ведь их отличительные признаки очень характерны. Для аристотелианцев все элементы научной работы одинаково важны, поэтому они более склонны делать замечания по поводу форматирования, грамматики и орфографических ошибок или стиля. По их мнению, чтобы статья была принята, она должна иметь все признаки научного текста и максимально напоминать лучших представителей этой категории. К счастью, редакторам хорошо известна степень въедливости их рецензентов и иногда они берутся помочь, давая шанс работе, отвергнутой дотошным рецензентом. И это приводит меня к последнему пункту: анонимности.

Преимущества двойного слепого рецензирования

Когда я постигала тонкости устройства науки в России, мне всегда было неловко организовывать рецензии на свои статьи, как это здесь требуется, и на первый раз я попросила помощи у своего научного руководителя. Его статус заведующего кафедрой сыграл важную роль, и я достаточно быстро получила положительные рецензии на публикацию в университетском «Вестнике», еще одну мою статью «задепонировали»¹. Одна фраза в комментариях рецензента особенно мне запомнилась: она отмечала, что пара дополнительных примеров «украсила бы работу». Я была признательна моим рецензентам за помощь, но не понимала, какую задачу выполняли их отзывы, приложенные к работе. Мне не верилось, что редакторы журнала видят в них что-то еще, кроме свидетельства связей автора и его способности подбирать нужных рецензентов. Через 20 лет после выпуска я заглянула в требования к авторам другого россий-

¹ Депонирование статей, книг и т.д. — практика, распространенная в советское время. Депонированная статья не публиковалась, а находилась на хранении в издательстве. При этом ее можно было найти в списках новых работ, заказать в читальном зале и ссылаться на нее.

ского университетского журнала. Ничего особо не изменилось. Автору по-прежнему нужно было подать вместе со статьей две рецензии и плату за публикацию. Внутренне сжавшись, я не стала посылать туда свою статью. Конечно, поддерживать на плаву академический журнал — это тяжелый труд, но мне не хотелось принимать участие в коммерческом предприятии, которое столь явно эксплуатирует исследователей, чья карьера и зарплата зависят от постоянных публикаций, и перекладывает на их плечи и финансовое обеспечение публикационного процесса, и тяготы переговоров с рецензентами. Последнее особенно тяжело для молодых ученых, которые еще не успели набрать необходимый социальный капитал.

Анонимность рецензирования была придумана именно для того, чтобы избежать предвзятости оценок и защитить исследователей из уязвимых групп. Но кроме того, она обеспечивает независимость и самому рецензенту. Обоюдное неведение рецензента и автора позволяет обоим свободно высказывать свои взгляды и суждения, не опасаясь ненароком наступить на политически чувствительную мозоль или пасть жертвой глубинных стереотипов. Но, как показывает история, с которой я начала свою реплику, анонимность не так-то просто сохранить, особенно для уже сложившихся ученых. В узких или новых областях исследований подготовленный взгляд может распознать автора и рецензента по особенностям стиля, «фирменному» подходу к теме, специфической методологии или узнаваемой линии аргументации.

Более того, завеса полной анонимности часто дает эффект, который можно наблюдать в интернете, где она создает благодатную почву для огульной критики, языка ненависти, троллинга и т.д. Конечно, если бы рецензенты знали, что их имена будут известны, жесткости в их отзывах наверняка бы поубавилось. Но ни полная открытость, ни полная анонимность не свободны от нежелательных побочных эффектов, которые ставят под угрозу беспристрастность оценки научной работы: первая поощряет предвзятость, стереотипы и использование личных связей, вторая — грубые и необдуманные комментарии. Примечательно, что оба варианта рецензирования прекрасно иллюстрируют тот факт, что производство знания тесно переплетено с человеческими отношениями. Я бы сказала, что тут главным приоритетом должно оставаться приращение нового знания, а отношения между людьми нужно регулировать постоянно и повсеместно, непреклонно настаивая на следовании нормам вежливости и подсказывая научному сообществу, как преодолевать предвзятость.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

АНТОН КУХТО

*С.С. Белоусову, Н.В. Ганнус,
Л.С. Козлову, А.С. Кулёвой,
З.Ю. Петровой и В.А. Плунгяну*

1

Я вообще человек нелюдимый. И, в чем всё больше со временем убеждаюсь, недалеко. Например, без каких бы то ни было оснований я считал, что работа редактора научного лингвистического журнала ограничивается исключительно работой с текстом. Сказка: приходишь в редакцию, берешь в руки карандаш, садишься за рукопись, правишь текст, вычитываешь примеры, проверяешь цитаты, приводишь в порядок библиографию, — а затем откладываешь карандаш, допиваешь давно остывший чай, тщетно пытаешься отмыть чашку от налета, бросаешь эту затею, рюкзак — за плечо, кабинет — на ключ, и вниз по парадной лестнице — на Волхонку. А там закат, Москва горит и пылает, в окнах золото и медь, Стрелка гремит, в Парке Горького не протолкнуться, на арках Андреевского моста снова разве что не танцуют сальсу, и даже можно поиграть в настольный теннис у школы до полной темноты.

Конечно, все так и было. Но сразу же стало понятно, что существенная часть работы заключается в общении с авторами и рецензентами. Думаю, авторам моя неподготовленность к взаимодействию с людьми была заметна. Например, с одним из авторов самой первой статьи, которую мне пришлось редактировать, я довольно долго спорил о том, что такое патина — а дело происходило в журнале «Вопросы языкознания», причем никакого отношения к содержанию статьи патина не имела (кажется, именно это я и пытался донести). Случалось в неопитском пыле и не такое. Другой автор приложил к манускрипту не тот шрифт, который использовался в тексте для транскрипций, а его старую версию. Вместо того чтобы разобраться, откуда в примерах тьма однотипных опечаток, я сам восстановил все символы по pdf-файлу, в старом

шрифте. Легко представить себе удивление этого автора при виде присланного мною текста с правкой, содержащего — на его машине с новой версией шрифта — тьму однотипных опечаток.

Проблемы мои в общении с авторами начинались с первой же строки электронных писем, с обращения. Едва ли я смогу сказать что-нибудь новое или интересное по этому поводу, но не сказать ничего тоже не могу. Легче всего, разумеется, было обращаться к авторам знакомым: «Дорогой(-ая) NN», или «Здравствуй(те), NN», или даже «NN, привет», или что-нибудь совсем изысканное — выбирай в зависимости от твоих с автором отношений. Но что делать с авторами незнакомыми, мне было решительно непонятно. Ни один из вариантов выше не подходил. Писать «Уважаемый(-ая) NN» я себя заставить не смог, «Многоуважаемый(-ая) NN» — тоже. В итоге я решил, что буду писать «Глубокоуважаемый(-ая) NN», и так и писал. Надо сказать, что петербургские авторы относились к такому обращению терпимее, чем московские, авторы из других мест тоже обычно не возражали. Но по меньшей мере один московский автор решил, что я так над ним издеваюсь, и, учитывая, что письмо мое содержало не лучшие вести от редколлегии, был уязвлен. Страшно подумать, для скольких еще авторов опыт общения со мной оказался тягостным. Не исключено, что я узнаю себя в одном из ответов на этих страницах среди самых ужасных, нелепых, раздражающих редакторов.

Обидами дело не заканчивалось, и время от времени не обходилось и без скандалов, которые тоже изначально не входили в мои представления о редакторских обязанностях. Не буду вдаваться в подробности, но ярче всего мне запомнился случай, когда автор отрецензированной у нас книги взбеленился, прочтя рецензию, и стал засыпать нашу почту самыми невообразимыми требованиями. Разумеется, мы, сотрудники редакции, оказались меж двух огней. Вообще посредничество между авторами, рецензентами и редколлекцией занимает немало времени, и нередко раздражение, вызванное решением редколлегии, нападками рецензента или несговорчивостью автора, выплескивается именно на редакторов.

Впрочем, скандалы и тому подобные неприятности все-таки случались нечасто, гораздо обильнее другой источник недовольства политикой редакции в частности и жизнью в целом. Не хочется называть авторов таких писем «городскими сумасшедшими», особенно учитывая, что феномен этот распространен во многих городах и всяях, а не только в Москве, но более емкой характеристики придумать не получается. Опять же, чтобы не дискредитировать ничьи изыскания, не буду приводить реальные примеры, но с завидной регулярностью на нашу

почту приходили многословные труды, то открывающие три исконных элемента русского лексикона (в лучшем случае — похабные, в худшем — связанные со славянскими языческими божествами или небесными телами), от которых происходят все прочие слова, то выводящие очередной давно преставившийся язык из современного русского (в лучшем случае — из санскрита), то раскрывающие глаза лингвистической общестственности, с одной стороны, на грязную ложь, подтасовки и махинации лингвистов и археологов вокруг никогда не существовавших берестяных грамот, а с другой — на истинность и безбрежную мудрость «Велесовой книги». Доходило до смешного: двое особенно настырных авторов угрожали редакции судебным иском под тем предлогом, что, отказывая в публикации их трудов на страницах журнала, мы попираем гарантированные им Конституцией права, свободу мысли и слова. Если память мне не изменяет, иска мы так и не дождались.

Среди всех этих проблем и трудностей, в том числе бюрократических (а их было немало), главная радость моих лет работы в редакции — общение с коллегами. Думаю, кроме всего прочего я научился за это время более терпеливо и снисходительно относиться к редакторским ошибкам, задержкам и странностям. Не хочу сказать, что не встречаются редакторы, которых лучше бы и не было вовсе, но хочется верить, что это скорее редкость. В остальном же от редакторской работы текст только выигрывает, и, когда осознаешь, что редакторы тоже люди, которые, более того, движимы стремлением освободить твой текст от неизбежных ошибок, опечаток и прочего, а работа эта зачастую неблагодарная и далеко не самая прибыльная, на отдельные огрехи закрываешь глаза.

2

На мой взгляд, главное качество как идеального автора, так и идеального рецензента — пунктуальность. Встречается оно не так часто, и по-человечески это хорошо понятно: что авторы, что рецензенты завалены не только своими прямыми исследовательскими и преподавательскими обязанностями, но и бесконечной бюрократической рутинной, всеми этими программами дисциплин, отчетами по грантам и иже с ними. В таких условиях не всякий может выкроить время для того, чтобы в срок внести исправления в собственный текст, и уж тем более для того, чтобы прислать отзыв на текст чужой, что в существующей системе рецензент делает исключительно из благородных побуждений, получая в качестве вознаграждения разве что благодарность от редакции — и иногда от автора. В таких условиях учишься ценить не только пунктуальность как таковую, но и умение сказать «нет». Поначалу отказы потенциальных рецензентов давать отзыв огорчают: это означает, что редколлегия должна найти нового рецензента, если сразу не были назначены

«запасные», затем этому новому рецензенту надо написать и получить от него согласие, а сроки к этому моменту уже наверняка сдвинулись — словом, морока. Но нет ничего хуже положения, в котором оказываешься, когда рецензент обещал прислать отзыв к назначенному сроку, и вот срок подходит, проходит день, другой, неделя, заседание редколлегии, а отзыва так и нет, и на твои мольбы рецензент никак не реагирует. В подобных ситуациях приходится сдерживать себя изо всех сил, чтобы не наговорить нерасторопному рецензенту лишнего.

Наверное, это не относится напрямую к вопросу об идеальных авторах и рецензентах, но вскоре после того, как я начал работать в редакции, я обратил внимание на некоторые изменения во времени и пространстве, которые происходят вокруг редакторов. Люди, с которыми ты общаешься и за пределами своих редакционных обязанностей, но которые обещали тебе или отзыв на статью, или рецензию на книгу, или правку к статье и не прислали их вовремя, начинают пропадать. Перестают отвечать на письма и сообщения, делают вид, будто говорят по телефону, когда проходишь мимо них в коридоре, не всегда узнают тебя при встрече на улице. Хотя реальной власти над ними ты не имеешь никакой, они все равно пытаются тебя избегать. Быть может, в такие моменты ты для них уже не столько приятель или коллега, сколько воплощение системы или даже их собственных страхов и проблем, эдакое страшилище из-под кровати.

Идеальные же авторы и рецензенты — существа не мифические и точно существуют. Отвечают на письма, присылают всё в срок, при этом не спрашивая тебя каждый божий день о том, когда-то выйдет их ненаглядная статья, могут оформить манускрипт по установленным правилам, перечитывают его перед отправкой и не распяются в ответ на любое предложенное тобой изменение. Пару раз мне посчастливилось редактировать такие тексты, где мне всего-то и было нужно, что проставить пару запятых, поймать пару опечаток — и всё, сколько бы я этот текст ни перечитывал. Но такие авторы на моей памяти всё же исключение, и я не думаю, что это исключение в обозримом будущем станет правилом, а необходимость в редакторах окончательно отпадет.

3

Вместо портрета «антигероя» я, пожалуй, перечислю несколько примеров поведения авторов и рецензентов, которое меня, скажем так, особенно огорчало.

О пунктуальности я уже написал выше, но напишу еще раз. Когда автор не присылает исправления, договоры и прочее в срок, он главным образом наносит ущерб самому же себе. На ранних этапах работы у редакции обычно есть возможность

перенести статью медленного автора в следующий номер, а на стадии корректуры редакторы уже сделали всё, что могли, и если автор упускает последнюю возможность что-нибудь в своем тексте подправить, то ему же хуже. Опоздания рецензентов, напротив, задерживают весь публикационный процесс: пока нет отзыва, редколлегия не может принять решения, автор не может получить ответа, начинается взаимное неудовольствие, а редакторы снова оказываются в самом центре назревающего конфликта. Конечно, хорошо, если рецензент вообще присылает свой отзыв, пусть и с задержкой, но и здесь есть опасность. Не раз случалось, что в самый последний момент рецензент присылает отписку длиной в несколько строк, из которой нельзя уяснить ровным счетом ничего. Что есть эта отписка, что ее нет, обсуждение статьи все равно откладывается на будущее. Понятное дело, что у рецензента не всегда есть возможность адекватно оценить, будет ли у него время на работу со статьей, но если есть подозрение, что времени не будет, то всем только легче от решительного и незамедлительного отказа давать отзыв.

Если говорить об авторах, то ни скандальность и несговорчивость, ни неумение расставлять знаки препинания (с кем в конце концов не бывает), ни невыверенные глоссы не могут сравниться с главной сложностью, которая для многих оказывается непреодолимой — оформлением списка литературы. Почему столько людей с высшим образованием и научными степенями не могут справиться с этой, казалось бы, тривиальной задачей, для меня так и осталось загадкой. Думаю, многие просто не обращают на библиографию внимания и считают, что редактор всё исправит. И он ведь действительно исправит, так что эта тактика гораздо лучше уж совершенно загадочных случаев, когда очевидно, что автор силился оформить ссылки по шаблону и результат даже выглядит похоже на то, что требуется, но сходство это поверхностно и обманчиво. В таких случаях приходится ломать глаза в поисках таинственных отклонений от образца гораздо дольше, чем если в конце статьи в произвольном порядке раскиданы ссылки в формате *au naturel*. Боюсь, проникнуть в эту тайну мне никогда не удастся.

4

Несмотря на все эти мелочи, я думаю, мирное сосуществование авторов, редакторов и рецензентов все-таки возможно. Говорят, что мы живем в эпоху глобального смягчения нравов. Смягчение не смягчение, но вдруг и автор, и рецензент пойдет менее строптивый, понимающий? Да и технологический прогресс вполне может поспособствовать мирному сосуществованию. Взять хотя бы всё большее распространение программ, которые умеют обращаться с несчастным списком литературы, или же автоматизированную подачу рукописей, которая может мини-

мизировать недопонимания в ходе этого процесса и избавляет редакторов от части рутинной коммуникации с авторами.

На мой взгляд, главная опасность, которая грозит этому сосуществованию, — размывание самого института научного редактирования. То и дело сталкиваешься с тем, что большие издательства ради оптимизации расходов отдают тексты редакторам и корректорам на «аутсорсинг», вместо того чтобы содержать штат опытных сотрудников, специализирующихся в той или иной области и знающих ее особенности. Иногда вообще каким-то чудом обходятся без редакторов. В это же время в до сих пор существующих редакциях у сотрудников иногда настолько низкие оклады, что даже неловко об этом говорить. Решения всех проблем индустрии выпуска научной литературы у меня, разумеется, нет, но я искренне надеюсь на то, что каким бы оно ни было, в нем найдется место для редакторов, время которых еще не ушло.

АННА ЛАЗАРЕВА

Междисциплинарное сотрудничество между автором и редактором (опыт подготовки сборника научных статей «Антропология сновидений»)

В 2020 г. я руководила научным проектом «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)», о котором уже писала в ответе на вопросы редакции «Антропологического форума» в одном из прошлогодних выпусков [По следам форума 2020: 189–214]. Хочу поделиться с читателями своими мыслями, возникшими в ходе подготовки сборника научных статей «Антропология сновидений» [Лазарева 2021] по итогам одноименной конференции, состоявшейся летом 2020 г. в рамках проекта. Сновидения — это феномен психики и биологии человека, и вместе с тем сюжет сна и его интерпретация представляют собой продукт культуры, отражение картины мира, мифологических и религиозных верований, традиционных ценностей. Переживание сновидения может стать основой произведения искусства и поставить перед человеком философские

проблемы. Поэтому основным замыслом конференции и сборника «Антропология сновидений» было создание площадки для междисциплинарного сотрудничества, проведения комплексного анализа рассказов о сновидениях как части культуры антропологами, фольклористами, литературоведами, психоаналитиками и другими специалистами.

В своих ответах на вопросы редакции я сосредоточусь на описании специфики подготовки междисциплинарного издания и возникающих в связи с этим трудностях взаимодействия между авторами и редакторами.

1

Большинство участников конференции «Антропология сновидений» — это антропологи, фольклористы, литературоведы, а также лингвисты, занимающиеся фольклорными текстами, культурологи, религиоведы¹. В целом это смежные дисциплины. В то же время среди участников конференции (и впоследствии авторов статей) было несколько философов и психологов². Зачастую, получая статьи от специалистов по дисциплинам, в которых я не являюсь профессионалом, я испытывала затруднение, поскольку могла оценить эти тексты только как читатель. Например, мне нравится текст: он познавательный, «вкусный», однако мне сложно судить о его научной новизне или дать какие-то критические замечания автору.

Хочу заострить внимание на этой проблеме, поскольку она достаточно типична при подготовке междисциплинарных сборников. Я сталкивалась с аналогичной ситуацией, когда была автором работ, публикуемых в междисциплинарных изданиях. Так, я писала статьи, посвященные исследованию нарративов о снах в рамках антропологии и фольклористики, для специальных выпусков «Журнала практического психолога» (2018. № 1) и «Вестника практической психологии» (2020. №1), которые готовились по итогам конференции «Галерея сновидений». Насколько мне известно, антропологи и фольклористы отсутствовали в редколлегии, готовящей эти издания. Соответственно мои статьи просто принимались, никто их не рассматривал критически, как если бы, например, я подала текст в «Антропо-

¹ Обзор конференции можно почитать в номере «Живой старины» [Лазарева 2020]. В том же выпуске опубликована подборка статей участников проекта «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)». Скачать статью можно по ссылке: <<https://www.rsu.ru/news/detail.php?ID=685891>>.

² Содержание сборника «Антропология сновидений» можно посмотреть на сайте РГГУ: <<https://www.rsu.ru/news/detail.php?ID=711523>>. На сайте РГГУ также доступна информация о других публикациях, конференциях и изданиях, подготовленных в 2020 г. в рамках реализации проекта «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)»: <<https://www.rsu.ru/science/proektnye-nauchnye-kollektivnyy-rggu/sozdanie-syuzhetno-motivnogo-ukazatelya-folklornykh-rasskazov-o-snovideniyakh-navostochnoslavlyansko/>>.

логический форум», «Традиционную культуру» или «Этнографическое обозрение». Это, конечно, не меняло того, что я стремилась подготовить свой текст на самом высоком уровне, так же как для профильного журнала.

Думаю, что такие моменты (когда при подготовке междисциплинарного издания в редколлегии нет специалиста, который может профессионально оценить статьи некоторых из авторов) никоим образом не говорят в пользу того, что междисциплинарные конференции и издания не имеют смысла. Напротив, они очень насыщены и интересны, а междисциплинарное сотрудничество продуктивно. Мне было интересно писать статью для журнала, который будут читать в первую очередь психологи. А статьи психологов сделали сборник «Антропология сновидений» богаче и разнообразнее.

Тем не менее подобный опыт наводит меня на мысль, что создание междисциплинарного сборника статей или журнала требует гораздо более масштабной и заранее продуманной работы. Попробую представить и описать, как могла бы быть организована подготовка междисциплинарного издания в идеале.

2

Идеальная редколлегия междисциплинарного сборника — это междисциплинарный коллектив (например, антрополог, лингвист, психолог), чтобы статья каждого из авторов оценивалась профессионалом. В то же время междисциплинарное издание во многом приближается к просветительскому: статьи в нем должны быть легко написаны, понятны не только специалистам. Необходимо сокращение специальной терминологии или ее объяснение в примечаниях, если это нужно. Например, я в своей статье очень подробно рассказываю, что такое сюжетно-мотивный указатель и для чего фольклористы создают указатели сюжетов и мотивов. Я бы не стала делать таких длинных отступлений, объясняющих понятия, термины и концепции, если бы писала статью исключительно для фольклористов. Поэтому считаю важным, чтобы работу исследователя читали и редактировали разные ученые, обращая внимание на те места в тексте, которые сложно понять, не имея специальных знаний. Думаю, что профессионал из другой области может дать ценную обратную связь автору, показывая, как ее будет видеть широкий круг читателей. Поэтому желательно, чтобы у статьи в междисциплинарном сборнике было как минимум два редактора или рецензента. Например, статью о сновидениях, написанную в рамках фольклористики, могли бы вычитывать фольклорист и психолог.

Таким образом, основными задачами редколлегии должны быть, с одной стороны, поддержание высокого научного уровня статей в междисциплинарном издании (который бы соот-

ветствовал уровню статей в профильном журнале), с другой — отслеживание того, чтобы эти статьи были написаны доступно, понятным языком (возможно, иногда это потребует от автора давать пояснения к статье на уровне учебника для первокурсников), чтобы сборник в целом был интересен разным специалистам.

Идеальный автор — это просветитель и «вечный студент» в одном лице. Это человек, который хочет, чтобы знание было открытым и доступным широкой аудитории, в том числе разным специалистам, и в то же время сам готов постоянно учиться новому. Такой автор открыт к сотрудничеству с профессионалами из других областей.

3

Ужасный автор относится к науке как к эзотерическому знанию, недоступному «профанам». Очень часто статьи такого автора вполне поддаются пересказу более простыми словами. Однако если убрать термины и отсылки к концепциям других исследователей, суть работы будет выглядеть банально. Иначе говоря, «птичий язык» используется описываемым антигероем, чтобы пускать пыль в глаза аудитории непрофессионалов, а также отличать «своих», пользующихся тем же языком, от «чужих». Здесь хочется вспомнить статью Т.Дж. Шеффа, сопоставлявшего научные школы, определяемые им как «академические банды», с уличными бандами [Scheff 1995]. Такой автор знает, кого «нужно» цитировать, а чей вклад в науку можно проигнорировать. «Ужасный автор» хорошо продвигается по карьерной лестнице, непрерывно генерируя разнообразную фикцию, часто перемешанную с некорректными заимствованиями из работ студентов или авторов, чьи исследования ему дали на рецензирование. На всех, кто не принадлежит к его институции или научной школе, смотрит свысока или враждебно.

Думаю, что междисциплинарность — это противоядие от «закрытости» науки, разобщенности дисциплин и научных школ, фрагментарности исследований.

4

Сегодня слово «междисциплинарность» звучит все чаще. Называть конференцию или проект «междисциплинарными», кажется, стало неким трендом. Однако очевидно, что просто пригласить к участию разных специалистов не всегда достаточно для создания междисциплинарного издания (проекта, конференции). Междисциплинарность — это не механическое соединение исследований разных специалистов, а их синтез, приводящий к новым результатам. И очевидно, принципы такого синтеза еще предстоит выработать. В качестве необходимых условий междисциплинарного сотрудничества (между автором и редактором, автором и рецензентом или между соавторами) я бы назвала взаимное уважение, гибкость, искреннее

стремление к новым знаниям (а не к наукообразности), переход от научной иерархии к горизонтальным связям между учеными.

Для меня междисциплинарность — это поиск ответов на наиболее существенные вопросы, которые волнуют всех людей, а не только представителей узких специальностей. Настоящий поиск истины никогда не получится ограничить рамками одной научной дисциплины. Возможно, междисциплинарный синтез произойдет на базе антропологии, поскольку антропология тесно переплетена со многими другими науками, изучающими человека: психологией (психологическая антропология, этнопсихология), медициной (медицинская антропология), религиоведением (антропология религии), социологией (этносоциология) и т.д. Попытка на основе антропологического подхода создать комплексное исследование сновидений как культурного феномена была сделана при подготовке сборника научных статей «Антропология сновидений». Насколько этот эксперимент удался, судить, конечно, читателям.

Библиография

- Лазарева А.А. Конференция «Антропология сновидений» // Живая старина. 2020. № 4. С. 65–67.
- Лазарева А.А. (сост., отв. ред.). Антропология сновидений: сборник научных статей по материалам конференции. М.: РГГУ, 2021. 295 с.
- По следам форума: Коллективные проекты в социальных науках // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 189–214. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-189-214.
- Scheff T.J. Academic Gangs // Crime, Law, and Social Change. 1995. No. 23. P. 157–162.

КОНСТАНТИН ПОЗДНЯКОВ

1

С редакторами «Науки» мне везло. В «Восточной литературе» работали очень профессиональные люди. Они замечательно разбивали длинные фразы на короткие и поили авторов чаем с сушками. Как-то за чаем мой редактор рассказала, что только что поссорилась с автором, которому предложила выкинуть из книги абзац. Автор ей говорил: «У меня в книге было две мысли. Вот одну из них вы сейчас зарезали».

А вот с редактором «Детской литературы» («Детгиз») у меня произошла история, к которой подходят сразу все предлагаемые в вопросе эпитеты. Я был составителем тома

африканских сказок в десятитомнике «Сказки народов мира». Тираж оказался огромным даже по советским временам — 204 000 экземпляров (вероятно, 4000 были заложены в тираж на бесплатное распределение). Редактором тома была яркая образованная дама, не будившая при знакомстве с ней чувства тревоги. Я расслабился и предлагаемые ею правки просто не читал. Уже получив гранки, я вдруг заметил, что в одной из сказок редактор произвела замену персонажей: вторую жену она поменяла на сестру. Когда я примчался в Москву выяснять отношения, дама объяснила мне, что у наших пап официально бывает только одна жена, а про вторых жен детям знать ни к чему. Проблема оказалась серьезнее, чем показалось редактору. В сказке происходило много самых разных вещей, и теперь эти вещи происходили между братом и сестрой, а не между законными супругами. Получился текст, который не мог бы пройти цензуру и для самых взрослых, а не только для детей. Я предложил даме вдуматься в один из двусмысленных пассажей ее новой сказки. Дама схватила за голову и заявила, что мы со своими сказками подведем ее под монастырь. Сказку из тома выкинули.

С другой сказкой получилось еще хуже. В гранках я обнаружил незнакомую мне страницу текста, которой в оригинале не было. Вот что показало расследование. Сказка кончается достаточно печально: змей проглатывает любопытную женщину, которая пытается во что бы то ни стало его увидеть, а этого делать никак нельзя. Редактор заключила, что этот мотив недостаточен для убийства женщины, единственным недостатком которой является простое женское любопытство. Поэтому она и дописала страничку, на которой яркими мазками наметила недостающий мотив. Этот новый мотив состоял в том, что женщина из сказки превратилась в очень грубую. Целую страницу редактор поносила змея последними словами — из них мне запомнились только банальные «скользящая тварь», «подколотый гад» и «гнусный зеленый червяк». Юный читатель начинал понимать, что для грубой тети это все добром не кончится. В конце становилось ясно, что ей больше не жить. Не знаю как, но мне удалось эту страницу убрать — все равно нужно было том переверстывать. И все же одну авторскую фразу редактора я проглядел, а может, она ее вставила в самый последний момент. В изданном варианте сказки змей оправдывается: «Она тут кричала, шумела, ругалась, я ее и проглотил». Надеюсь, что этот «мотив» не вошел в замечательную классификацию Ю.Е. Березкина.

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

Спасибо за возможность ответить на эти вопросы, вспоминая рецензентов и редакторов, с которыми связала судьба. До вашего опросника не было повода задуматься, а ведь два-три десятилетия назад эти отношения длились куда дольше, чем сейчас, и имели большее значение для превращения и авторов, и редакторов в профессионалов своего дела.

1

Самое прекрасное воспоминание о работе с редактором — это история моих отношений с издательством «Мысль». Расположенное на Ленинском проспекте в зеленоватом угловом здании напротив Первой Градской больницы в Москве, оно в 1980-е гг. вообще-то издавало в основном географическую и социально-политическую литературу, и сунуться в него с книжкой по теме, которая и научной в те годы не считалась (женская история в мировой гуманитаристике тогда только зарождалась, а о гендерной вообще и речи не было), можно было, лишь набравшись большой отваги. Опубликовать книгу в «Мысли» в 1980-е гг. было престижно: это издательство не страшилось выпускать исследования некоторых оппозиционно мыслящих историков (Н.Я. Эйдельмана, Ю.Ф. Карякина, Е.Г. Плимака), и такие книги быстро расхватавались читателями, живо обсуждались.

В формировании издательской политики «Мысли» немалую роль играли вкусы и редакторский «нюх» заведующих редакциями. Одну из них — историческую — возглавлял в те годы Вадим Степанович Антонов. Именно он подарил мне одно из самых сильных впечатлений молодости: после ознакомления с рукописью моей кандидатской диссертации (на что ему понадобилось всего несколько дней) он вызвал меня телефонным звонком «для разговора», который начал кратко: «Прочел, будем печатать!» Улыбку его в тот момент помню до сих пор... Помню все его похвалы, сказанные далее, которые в дальнейшей моей научной биографии стали невиди-

мой поддержкой, подарив веру в себя. Мне было в тот момент 26 лет. Головокружение от радости помню до сих пор, потому что из дверей издательства двинулась прямиком на середину Ленинского проспекта, не замечая потока машин.

Сразу оговорюсь, что путь к изданию той книги («Женщины Древней Руси». М.: Мысль, 1989) был долгим. Три года (нынешнему поколению авторов трудно это даже представить!), 1986–1988, я переделывала принесенный текст диссертации, дописывала целые главы, обсуждала их в секторе Института этнографии и антропологии РАН и снова изменяла. Но надо же было так мотивировать молодого автора, чтобы ему *хотелось* так долго возиться со своим текстом! Я расстраивалась до слез из-за критики в свой адрес со стороны коллег, но именно в исторической редакции издательства «Мысль» меня утешали редакторы С.С. Игнатова и Л.П. Желобанова (их имена помню до сих пор, хотя прошло 30 лет и больше уже я в этом издательстве ничего не публиковала).

Принявший рукопись В.С. Антонов предсказал «Женщинам Древней Руси», вышедшим тиражом 100 000 экз. (а собравшим и вовсе миллион заявок и потому немедленно раскупленным) счастливую судьбу. С огромным воодушевлением я подписывала ему тогда, в 1989 г., свое детище: «Моему невидимому соавтору...» — потому что именно он предложил ту структуру книги, которая сделала ее заметной в библиографическом море.

Убеждена, что умение окрылить молодого автора — важнейший навык редактора и вообще издательского работника, который подчас определяет судьбу ученого. Коллеги могут раскритиковать текст, а редактор непременно должен хвалить и никогда отрицательных ремарок не писать и не высказывать вообще. Это дело рецензента. Я этот урок усвоила и всегда стараюсь, когда я редактор, авансом хвалить аспирантов и докторантов, находить даже в слабых работах находки и удачи.

2

Да, такие идеальные редакторы мне попадались и не раз, но... в прошлом. Они умели сказать о том, что я имела в виду, коротко и ярче меня самой. Они никуда не спешили и карандашом предлагали на полях или между строк свои варианты.

Куда они нынче делись?

А тогда, в 1980–1990-е, это были профессионалы своего дела, не жалевшие времени на то, чтобы (представляя себе интересы, потребности, уровень знаний и психологические особенности читателя) предлагать авторам удачные, неизбитые формулировки, расширявшие авторский тезаурус. Отличные редакторы были тогда в журнале «Вопросы истории», очень неплохие (и многому научившие меня из «секретов» редакторской рабо-

ты) были работниками научно-популярных изданий («Знание — сила», «Наука и жизнь»).

Что касается концепта «автор — мечта редактора», то это автор, не вступающий в занудный спор и долгую переписку (ныне это просто бич редактора сборников научных трудов и коллективных монографий) и не присылающий страницы обоснований своей позиции или аргументацию своего «видения». Идеальный автор обязан научиться аргументировать кратко. Готовность уступать и слушать другого, кажется, важнейший навык и редактора, и автора. Убеждена: если написанное редактор не понял, то виноват автор, которого не поймут и другие читатели. Переписывать раскритикованное нужно обязательно, это вопрос не дискуссионный; все сомнительные абзацы лучше написать заново другими словами; настаивать на своем — себе вредить.

3

Ни разу в жизни не сталкивалась с рецензентами или редакторами, которых бы можно было назвать моими «антигероями», возможно как раз потому, что полагаю: редактор, рецензент, критик всегда правы. Автор — нет, а они — всегда. Они же обычные читатели, и если ты не убедил их — значит, грош цена твоим аргументам, ты «их лепишь грубовато, ты их любишь маловато, ты сама и виновата, и никто не виноват!» (строкой Н. Матвеевой). Нужно стараться понять и оправдать своего «антигероя», объяснить себе, что же его так задело — и тогда, возможно, из «врага» он станет просто человеком, и флер оппозиционности к высказанному мнению растворится.

«Самый ужасный» рецензент и тем более редактор — человек недоброжелательный, упражняющийся при этом в остроумии и язвящий автора своими ремарками, строчными буквами упреков и удвоением знаков препинания (?!). За 40 лет моего научного труда попадались мне и такие, но старалась понять и их.

Много раз переживавшая (в юности — особенно) из-за «не взятых» статей, а позже из-за неподдержанных проектов (заявки на которые съедают уйму времени), я пришла к выводу, что худший рецензент — это не умеющий выразить недовольство, не аргументирующий свою неприязнь. Из шквала критики можно сделать в дальнейшем замечательный, по-настоящему «читабельный» полемический текст, беря готовые формулировки из самой убийственной рецензии и отвечая на ехидство и упреки. Но ничего не сделаешь из глухого экспертного заключения, особенно если аргументом является словосочетание «это не формат нашего издания» или «написано поверхностно».

Отрицательным качеством рецензента является также неумение делать свою работу быстро и непонимание того, что автор, подав рукопись, ждет скорейшего принципиального решения.

4

Такое сосуществование возможно, если рецензент — прежде всего доброжелательный критик текста, а редактор — друг и помощник.

Идущие на редакторскую работу в журналы и издательства должны понимать, что идут учиться дружить, понимать с полуслова, переписывать без ощущения собственного превосходства («я умею выразить мысль, а автор — косноязычный недоучка»). Если уж рецензент «пропустил» текст в журнал или издательство, дал ему зеленый свет, — тут уж редактор становится опорой и промоутером, независимо от своего возраста, пола, образа жизни и духовных ценностей.

Возникнув как формальный договор, отношения между автором и редактором должны во что бы то ни стало стать дружески-деловыми; подчас они становятся просто дружескими. Неслучайно в стародавние времена, когда мы относили рукопись в издательство, то просили дать нам того редактора, который нами уже был проверен на способность дружить, помогать и быть единомышленником. Если же рецензент прочел текст уже после подготовки его редактором (такое случается в издательствах), то редактор тем более оказывается в одной связке с автором, помогая последнему удовлетворить все замечания.

МАРЬЯМ РЕЗВАН

1

История о гармоничных отношениях автора и рецензента

Рецензент в числе прочих замечаний (незначительных — статья была хорошая) попенял неизвестному ему автору на то, что тот не ссылается на ряд своих работ, и дал им высокую оценку. Автор, прочитав рецензию, из которой был намеренно изъят этот упрек, попросил редактора добавить в статью сноску, в которой выражал неизвестному ему рецензенту свою благодарность за ряд ценных рекомендаций, что и было исполнено.

2

Мне кажется, что все указанные в вопросе типы отношений могут быть продуктивными и обоюдополезными при условии сохранения взаимного и самоуважения. Речь, разумеется, идет не только о формальностях, но в первую очередь о том, что автор должен внимательно относиться к собственным

текстам, проявляя таким образом уважение не только к своему труду, но и к потенциальным читателям; редактор, как последний рубеж перед выходом текста в свет, осознавая всю ответственность за репутацию издания, должен бережно относиться к авторскому тексту, избегая шаблонного подхода; «рецензент мечты» же, сохраняя максимальную объективность, не должен забывать о своем опыте в качестве рецензируемого.

3

Здесь позволю себе привести стихи Веры Павловой, которые вполне применимы и к научно-издательской деятельности, главным ее актерам и их страхам.

Редактор плачет, редактируя,
 Корректор плачет, корректируя,
 Писатель плачет, перечитывая
 Четвертый раз седьмую верстку,
 И вот, на чье-то попечение
 Из мест леченья-заключения
 На волю книга выпускается,
 А в ней три грубые ошибки.

4

Рискно высказать еретическое радикальное соображение: институт анонимного научного рецензирования вредит развитию науки. Во-первых, мне представляется, что эта практика, заметно расширившаяся за последние годы, не привела к принципиальному улучшению качества научной продукции. Серьезные журналы всегда внимательно относились к своей репутации и не допускали публикацию сомнительных текстов — с этой задачей прекрасно справлялись штатные редколлегии. Несерьезные же, «мусорные» издания никуда не исчезли и сейчас. Более того, в условиях диктата наукометрии доля их выросла.

Во-вторых, появившиеся в конце прошлого века технические возможности существенно упростили и ускорили путь текстов от автора к читателю, а сегодня мы видим, как введение промежуточного звена в виде рецензентов затрудняет и удлиняет его.

В-третьих, рецензент в силу своего статуса неизбежно вынужден акцентировать недостатки предложенного ему текста, что зачастую приводит к гиперкритицизму.

Ну и в-четвертых, в отдельных областях знаний круг специалистов, занимающихся определенной проблемой, настолько тесен, что авторская анонимность оказывается утопией, что, к сожалению, иногда открывает возможность для сведения личных счетов. При этом зачастую рецензент может определить автора статьи, в то время как сам он остается для автора величиной неизвестной. Мне представляется это нарушением принципов академической солидарности. Кроме того, выбор рецензентов редакцией остается процессом абсолютно закрытым, не регла-

ментируемым никакими правилами, что оставляет место для «редакторского произвола» и возвращает нас к пункту первому.

Мы все знаем, что при работе над текстом наступает момент, когда необходимо поставить точку — доводить его до совершенства можно бесконечно, идеальный текст недостижим. Мне, увы, известны случаи, когда замечания рецензентов приводили к тому, что автор отказывался от публикации, хотя представленный на рассмотрение вариант статьи содержал ценные материалы и вполне мог быть обнародован. Все известные мне прецеденты подобного рода касались молодых ученых или студентов. В этой связи вспоминается эпизод из «Ремесла» Сергея Довлатова:

Знаю я наших умных и талантливых критиков. Одиннадцать месяцев в году занимаются проблемами чередования согласных у Рабиндраната Тагора. Потом им дают на рецензию современного автора. Да еще и не вполне официального. И тогда наши критики закатывают рукава. Мобилизуют весь свой талант, весь ум, всю объективность. Всю свою неудовлетворенную требовательность. И с этой вершины голодными ястребами кидаются на добычу. Им скомандовали — можно! Им разрешили показать весь свой ум, весь талант, всю меру безопасной объективности.

<...> Урбан написал справедливую рецензию. Написал ее так, будто моя книга уже вышла. И лежит на прилавке. И вокруг лежат еще более замечательные сочинения, на которые я должен равняться. То есть Урбан написал рецензию как страстный борец за вечные истины.

<...> Урбан страшно оживился: — Знаете, интересная рукопись побуждает к высоким требованиям. А бездарная — наоборот... Ясно, думаю. Бездарная рукопись побуждает к низким требованиям. В силу этих требований ее надо одобрить, издать. Интересная — побуждает к высоким требованиям. С высоты этих требований ее надлежит уничтожить...

Б. СПИНОЗА

1

Бесчисленное множество раз мне приходилось бывать в ролях и автора, и редактора, и анонимного рецензента рукописей. В основном впечатления у меня положительные. Когда я автор, редакторы и внешние рецензенты дают мне полезные советы, как улучшить мой опус. Они страхуют меня от публикации текстов, за которые потом может

быть стыдно: где не хватает важных первичных источников и вторичной литературы или сделаны сомнительные выводы. Они подтверждают качество моих исследований, поддерживая мою уверенность в своем исследовательском профессионализме. Когда я анонимный рецензент, я получаю доступ к новейшим исследованиям в моей области ровно в тот момент, когда они достигают последней фазы зрелости. Готовящиеся к публикации работы знакомят меня с новыми источниками и идеями, которые я могу применить в собственном исследовании. Даже безнадежно неудачные статьи дают мне важные уроки, хотя бы о том, как *не надо* представлять результаты научной работы! И то же самое происходит, когда я редактор. Редакторы получают огромное количество текстов, многие — за пределами узкой области их экспертного знания. Знакомство с ними позволяет мне оставаться в курсе положения дел в области в целом, повышать уровень моих исследований и преподавания. Не говоря уже о том, что все три роли помогают мне почувствовать удовлетворение от того, что я служу общему научному делу — производству нового знания.

И все же при всех плюсах отношения между автором, рецензентом и редактором не всегда бывают радужными. Виною тому часто проблема сроков. Редактор несет ответственность за то, чтобы журнал выходил вовремя. Мне это удавалось только потому, что я имею счастье работать с исключительно компетентными и эффективными коллегами, которые следят, чтобы все, включая меня, соблюдали сроки. Далеко не всем редакторам так везет. Часто у редактора вообще нет никаких коллег, потому что журнал не приносит достаточно дохода, чтобы платить зарплаты, и тогда ему приходится урывать время для редакторской работы среди других профессиональных обязанностей. В результате журнальные выпуски подчас выходят через годы после номинальной даты, указанной на обложке. Как автор я часто сталкиваюсь с тем, что публикация моих статей задерживается на месяцы и даже на годы. Время идет, а редакторы молчат. Случалось, что редакторы публиковали мои статьи, никак не согласовав со мной свои правки, даже верстку мне не показывали, так что в печать попадали чудовищные ошибки. Авторы точно так же разрываются и ничего не успевают. Мне не раз случалось пропускать дедлайны. Причины для отсрочек у авторов обычно самые уважительные: болезнь, семейные трагедии, административная или преподавательская нагрузка, роковой компьютерный сбой. Рецензенты часто откладывают чтение статей по вполне понятным причинам. За свою работу они не получают ни денег, ни признания, так что ничего удивительного, что написание рецензий у них далеко не в приоритетах. И вот, авторы месяцами ждут решения по своим статьям

и наконец начинают изводить редакторов письмами, подчас довольно агрессивными, а что те могут сделать? Только обращаться мольбы к рецензентам.

Менее распространенная проблема — плагиат. Лишь изредка встречаются авторы, которые действительно украли работу другого исследователя и выдали за свою. Такие случаи отслеживает острый глаз рецензента, и редакторы отказывают им в публикации. Чаще можно столкнуться с автоплагиатом, когда авторы предлагают переработанный материал, который уже публиковали прежде. В России такая практика приемлема, но не на Западе. Как правило, западные журналы требуют, чтобы статьи как минимум на 75 % состояли из ранее не опубликованного материала, даже если он раньше публиковался на другом языке. (Впрочем, даже на Западе вполне допустимо включать материал, который уже публиковался в статьях, в книгу). И снова выручают рецензенты, которые неизменно замечают повтор. Часто они бьют тревогу, решив, что какой-то бессовестный дебютант пытается украсть труды известного ученого X. А на самом деле это всего лишь известный ученый X пытается выжать еще одну публикацию из какого-нибудь своего старого исследования. Когда я как редактор указываю на это ученому X, ответы приходят самые разнообразные. Один ученый X признался, что он «смущен». Он как-то проглядел, что половина новой статьи уже вышла в его опубликованной книге. Другой ученый X пытался доказывать, что между новой и прежней статьями нет никаких значительных совпадений. Пришлось снова обратиться к рецензенту, который указал, что почти все сноски идентичны, да еще и идут точно в том же порядке. Статью мы отвергли, ученому X сказали, чтобы в следующий раз подавал что-нибудь совсем новое.

2

В идеальной ситуации авторы, редакторы и рецензенты видят друг в друге соратников, которые вместе создают качественное научное знание. Больше всего усилий достается на долю авторов: они находят источники и подбирают данные, делают из них выводы и убедительно и доступно всё это излагают. Лучшие из авторов публикуют только завершённое исследование, когда их идеи уже полностью оформились, и они только рады советам рецензентов и редакторов, как улучшить их работу. Они благосклонно принимают все рекомендации и отвечают быстро и доброжелательно. А потом выражают благодарность редакторам, анонимным рецензентам и сотрудникам журнала (если таковые имеются) в сноске к самой статье или в личной переписке. В моей редакторской карьере такие идеальные авторы встречаются крайне редко. Иногда их благодарность бывает даже осязаемой: чашка кофе на конференции, экземпляр книги или какая-нибудь вкусная мелочь, доставленная на мой рабочий

адрес. Я далеко не всегда удовлетворяю критериям идеального автора.

Идеальные рецензенты видят свою задачу в том, чтобы помочь автору лучше передать свои мысли. Сначала они стараются как можно лучше понять, что автор хочет сказать своим опусом, и формулируют это понимание в своих отзывах. Нередко рецензентам удается даже более убедительно представить тезис статьи, чем это сделал сам автор, и таким образом они помогают ему изложить свои рассуждения более четко. Затем идеальный рецензент честно и подробно разбирает сильные и слабые стороны статьи. Обычно недостаткам уделяется больше внимания (что и требуется). Особенно полезны рецензии, которые не только указывают на недостатки, но и дают советы, как их исправить: какие еще источники добавить, что еще из литературы почитать, как лучше структурировать аргумент и переработать неудачные предложения. И наконец, хороший рецензент понимает чувства автора и подбирает для критики доброжелательную и ободряющую интонацию.

Идеальный редактор в работе с авторами проявляет те же свойства, что и идеальный рецензент. Если отзывы рецензентов не соответствуют указанному идеалу или противоречат друг другу, редактор помогает автору сориентироваться. Иногда знаний редактора достаточно, чтобы дать автору свои рекомендации; в других случаях он может только предлагать какие-то улучшения, которые могут и не сработать. Опытные редакторы понимают, что автора может обрадовать только один вариант решения — если его текст примут к публикации без замечаний. Поэтому они стараются составлять письма так, чтобы смягчить неизбежное огорчение. Если статья принята при условии некоторых изменений, в письме нужно четко перечислить все требуемые изменения, а также поздравить автора с успешным достижением этой стадии публикационного процесса. В письме с вердиктом «переписать и подать снова» нужно подробно объяснить самые важные требования и четко донести представление редактора о том, насколько сильно нужно изменить статью, чтобы она могла быть опубликована. В письме с отказом нужно приложить усилия, чтобы сохранить достоинство автора, никто ведь не стал бы подавать в журнал заведомо плохую статью! В моем редакторском арсенале есть кое-какие фразы, призванные смягчить удар: статья «не совсем зрелая» или «этот текст лучше отправить в другой журнал».

3

У меня богатый опыт общения с антигероями во всех трех ипостасях, но, чтобы сэкономить место, я приведу только по одному примеру на каждую. Все истории взяты из жизни, но имена изменяю, чтобы никого не обидеть.

Антигерой-автор — пусть будет «Измаил». Я как редактор отправляю Измаилу две рецензии и ободряющее письмо с предложением переписать статью и подать снова. Рецензенты призывают автора добавить больше источников, привлечь литературу из указанной области исследований и более последовательно выстроить линию рассуждений. Вскоре Измаил шлет мне отповедь на девять страниц одинарным интервалом: он настаивает, что статья безупречна и никаких изменений не требует. Я занимаюсь «цензурой в советском стиле». Рецензенты — идиоты и критикуют статью только из личной неприязни к Измаилу. Он *требуется*, чтобы в обход анонимности ему раскрыли имена рецензентов! (Конечно, это невозможно: в нашем журнале действует строго двойное слепое рецензирование.) Заканчивает Измаил угрозой: если я немедленно не приму его статью к публикации в исходном виде, то он «дойдет до редколлегии, а то и выше!» Вообще-то в журнале X редколлегия подотчетна мне, а не я ей, так что это вряд ли можно считать угрозой. Сомневаюсь также, что глава моей страны горел бы желанием вмешиваться в это дело.

Антигерой-рецензент. Назовем ее «Иаиль». Раньше Иаиль была хорошим рецензентом. Она не писала оскорбительных или слишком коротких и бесполезных рецензий, как некоторые делают. (Мне случалось получать рецензии, которые состояли из одной фразы, как поздравительная открытка.) И вот очередная статья из области знаний, близкой Иаили, была отправлена ей. Иаиль согласилась и через пару месяцев написала, что рецензия готова, но текст она пришлет только в обмен на выплату из расчета 100 \$ в час работы или членство в редколлегии журнала. Пришлось отклонить рецензию и отказаться от будущего сотрудничества с Иаилью. Через несколько месяцев она принесли извинения. Они были приняты.

Антигерой-редактор, назовем его «Авимелех». Авимелех известен тем, что отдавал предпочтение статьям своих друзей и покровителей, а от всех остальных избавлялся. Если статьи членов привилегированного круга Авимелеха получали отрицательные отзывы рецензентов, он их просто игнорировал, а статьи все равно печатал. Если на статьи авторов за пределами узкого круга своих поступали положительные отзывы, Авимелех их выкидывал и сам писал другие, отрицательные. И эти отзывы «анонимных рецензентов» использовал потом, чтобы обосновать решение редактора об отклонении статей. Через какое-то время руководство журнала прознало об этой практике и сместило Авимелеха с поста редактора.

другу. Конечно, в эпоху интернета авторы легко могут публиковать свои труды, не отправляя их на рецензирование и не связываясь с формальными академическими площадками. Но такие самостоятельно опубликованные работы редко приносят автору профессиональное признание, ведь они ничем не отличаются от огромного количества плохо обоснованных, а то и вовсе сфабрикованных статей, которые переполняют Сеть. Чтобы создать себе профессиональную репутацию, автору необходимо размещать свои работы в рецензируемых журналах. Рецензенты и редакторы — это важнейшая инстанция контроля качества, чтобы аудитория могла быть уверена в надежности предлагаемых ей исследований. Конечно, они занимают контролирующую позицию, но и этот контроль можно осуществлять так, чтобы он шел на пользу автору. Редакторы поощряют новые направления научного поиска, но это возможно, только если авторы создают новые исследования, а рецензенты проверяют их надежность. При всех недостатках триада «автор — редактор — рецензент» устроена разумно и ценна в том виде, в каком она есть.

Пер. с англ. К. Дерезы

ОЛЬГА ТКАЧ

Вопросы, заданные редакцией, заставили меня посмотреть на список своих публикаций другими глазами — как на историю интеллектуального поиска, неразрывно связанную с чередой моих отношений с разными участниками, как способствовавшими, так и препятствовавшими появлению текстов на свет. Мне приходится выступать во всех трех ролях, о которых было предложено подумать, хотя автором или соавтором я, пожалуй, бываю чаще, кем кем-то другим. Из этой же позиции я в основном и писала свои заметки.

1

Как автора меня возмутил недавний случай взаимодействия с одним из российских журналов по социальным наукам, считающимся топовым. Я тогда подготовила свой текст в спецномер и ожидала его рецензирования. Однако вместо этого получила письмо следующего содержания: «Ваша статья отредактирована и подписана в печать. Убедительно прошу Вас позвонить в редакцию. Необходи-

димы некоторые уточнения». Статус человека, работавшего с моим текстом, мне неизвестен, в подписи было только ее имя. Отсутствие же процедуры слепого рецензирования я здесь просто опускаю. На мое сообщение о том, что я бы сама хотела поработать со своим текстом на основе критических замечаний, пришел ответ: «А зачем? Я же уже все отредактировала!» Далее началась переписка с требованиями вернуть мне авторское право самой заниматься своим текстом и отсылками к академическим стандартам, с моей стороны, и канцеляризмами, а также привлечением авторитарного главного редактора, в приказном порядке стремящегося поставить меня на место, — с другой. У меня было довольно противное чувство, что мой текст взяли в заложники. До сих пор жалею, что я сдалась и оставила его там. Просто пошла навстречу коллеге, готовившей этот спецномер: отзыв моей статьи развалил бы его. Как ни странно, позже эта работа была отмечена журналом как «статья высокого качества», но, разумеется, не по моим меркам. Для меня она так и осталась искалеченной и чужой. Стоит ли упоминать, что этого журнала для меня больше не существует.

Другая история, в которой я была замешана, будучи сама соредактором спецномера в одном из международных тематических журналов, тоже малоприятна. В спецномере было довольно много текстов, но одним из них мы с соредактором решили пожертвовать, отклонив, так как он был самым примитивным и плоским на фоне других, тезис был довольно банальный. Автор практически не отреагировала на наши замечания. В результате мы решили, что без этого текста номер ничего не потеряет, и сообщили об этом в редакцию журнала. Но вот ведь незадача — этим автором была самая статусная из нас исследовательница с узнаваемым именем, все остальные находились примерно на одной карьерной ступени. Одним словом, журнал занял самую принципиальную позицию и категорически настоял на том, чтобы мы оставили этот текст, утверждая, что мы ошибаемся насчет его качества. Разумеется, редколлегии не хотелось терять именитого автора, который просто пришел к ним вместе с нашим спецномером и, возможно, в других обстоятельствах не выбрал бы их журнал. И не напрасно: эта статья действительно самая скачиваемая в нашем спецномере — имя работает. Но это ничего не поменяло в нашем мнении как соредакторов.

2

Мой авторский опыт показывает, что наиболее комфортно обычно работается с редакторами коллективных монографий или сборников статей. В отличие от журналов, где практически весь процесс анонимизирован и стандартизирован, в работе над книгой есть место персонализированному подходу, более гибким графикам работ и куда более расслабленной атмосфере. Как

правило, сборник статей — это проект одного или нескольких исследователей, собирающих авторов через открытый call for papers (реже) или по свои сетям (чаще). Нередко сборники вырастают из многолетнего сотрудничества, их готовят сложившиеся коллективы. В отличие от атомарной работы над журнальной статьей (или даже спецномером) подготовка сборника ощущается как командная работа в условиях постоянного прямого контакта с редактором. В отличие от редакций журналов и даже рецензентов, которые далеко не всегда специалисты в темах, по которым работает автор, редактор сборника является таким специалистом по определению. Рецензии редактора сборника, как правило, более внимательные и вдумчивые, в отличие от журнальных слепых рецензий, иногда больше напоминающих экзекуцию. С редактором сборника можно обсудить и свою главу, и его/ее рецензию. Можно договориться об индивидуальном графике письма, пока редактор работает с другими главами.

Несколько лет назад у меня был опыт написания главы в сборник, близкий к идеальному. Редактор из Соединенных Штатов искала авторов по сетям и случайно вышла на меня, мы ранее не были знакомы. Посмотрев мой abstract, она созвонилась со мной, чтобы подробно обсудить relevance моей главы общему замыслу сборника. Затем она разослала общее письмо всем авторам, представив нас друг другу, приложив заявку на книгу, которую приняло издательство, и подробный календарный план работ, также она сразу снабдила нас правилами оформления сносок. Так я узнала имена и темы участников нашей международной команды. Далее она создала гуглдиск, где размещала общую литературу по теме, которая могла бы быть нам полезной, а также поименные папки на дисках. Предполагалось, что мы будем размещать там свои тексты разной степени готовности, читать черновики друг друга и обсуждать их на вебинарах. Впрочем, этой роскошной идее не суждено было стать реальностью — слишком уж все заняты. Однако редактор с успехом выполнила эту роль одна, читая наши тексты, и не единожды, редактируя и обсуждая их, советуя и присылая необходимую литературу. Думаю, она довольно серьезно вложилась в каждую главу. Параллельно с этим она регулярно рассылала нам updates, сообщая о том, как идет работа, как мы продвигаемся и что дальше. Она всегда была на связи. Для меня это было невероятно ценно — прозрачность и реципрокность отношений с редактором, ощущение совместности с другими авторами. Когда книга вышла, редактор убедилась, что мы все получили PDF своих глав, а также авторские экземпляры, и только после этого попрощалась с нами. Эта история не о том, что редактор должен нянчиться с авторами. Она о том, что

регулярный контакт с авторами и сигналы о продвижении запланированной работы в целом очень продуктивны. Позиционирование текста каждого автора как вклада в коллективный труд также очень заряжает и оставляет добрые воспоминания. Я рада, что позже нам удалось познакомиться и пообщаться с редактором вживую. Жаль только, что сборники не читаются и не цитируются так же активно, как журнальные статьи.

3

Возмущают и раздражают, как правило, редакторы, которые ставят только себе в заслугу работу над общим текстом — сборником или спецномером — и не рассматривают его как проект многих людей, которые включились в него, подверстали под него свои карьерные ожидания и планы, причем не только профессиональные. Обычно подобные редакторы общаются с авторами очень дозированно, скупно, а то и вовсе исчезают на многие месяцы, не отвечая на письма. Такие случаи очень фрустрируют авторов и, на мой взгляд, должны ставить под сомнение профессионализм редакторов. В моей практике был случай, когда соредактор убрала из проекта спецномера мою статью и прекратила коммуникацию, не посчитав нужным объяснить. В другой раз в процессе работы над сборником между тремя соредакторами разразился конфликт. Как потом выяснилось, вскрылись их концептуальные разногласия во взглядах на качество конечного продукта. В связи с чем они больше года держали нас — авторов глав — в неведении, а наши тексты под сукном. Интересно, что в подобном случае информационный вакуум, отчуждение текста от автора, устаревание данных, на основе которых он написан, вообще не рассматриваются как проблема. Авторы используются как средство достижения собственных целей или вовсе не принимаются во внимание. Интересно, что оба этих случая произошли у меня с одним и тем же текстом. Тем сильнее была радость от его публикации после третьей попытки.

4

На мой взгляд, модели взаимодействия между авторами, редакторами и рецензентами, расстановка сил между ними претерпели некоторые изменения за последние 10–15 лет. Причин тому несколько. Прежде всего, торжество наукометрии, поставившей карьеры ученых в зависимость от публикационной активности и соответствующих индексов. С одной стороны, необходимость публиковать энное количество статей в год в журналах с высоким рейтингом делает авторов более зависимыми от мнения редакторов и рецензентов и, как результат, действующими по шаблону, покладистыми, склонными идти на необоснованные компромиссы. С другой стороны, экспансивный рост рынка академических изданий предоставляет авторам более широкий выбор, возможность действовать гибко, отзываться тексты, дорабатывать и публиковать их в других источниках.

Наконец, если не принимать во внимание пресловутые проблемы современной неолиберальной академии, взаимодействия автора, рецензента и редактора всегда находятся в контексте определенной академической культуры, этапов карьеры, на которых находится каждый/ая из участников/ниц, и, в конце концов, зависят от их личностных качеств.

Относительно мирное сосуществование, наверное, возможно, если все стороны нацелены прежде всего на результат, если выработаны прозрачные правила, на которые все ориентируются и которые соблюдают, и если письмо и все, что с ним связано, воспринимается сторонами как рабочий процесс, а не как способ решить какие-то другие вопросы, поупражняться во властных отношениях и повысить свою значимость. Также важно соблюдать баланс формальных правил и неформальных отношений. У всех случаются форс-мажоры, но для того и существует обратная связь, чтобы все были в курсе изменений и общий процесс от этого не страдал. Last but not least, хорошо бы не забывать об уважении к тяжелой работе автора, не менее тяжелой — редактора, и зачастую неблагодарной — рецензента. Ценностью для всех троих должен являться и является (достаточно) хороший текст. Я убеждена, что только это и может примирить всех троих.

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

1

В 1989 г. я предложил одному московскому издателю подготовить популярную книжку, в которой будут и девичьи гадания, и любовные заговоры, и приметы с поверьями, и многое другое. В общем все то, что может быть интересно для девушки в возрасте примерно от 14 до 23 лет. Издателю моя идея понравилась, и он попросил меня составить такую книжку. Примерно через месяц я привез издателю текст, который почти сразу отправили на рецензию. Как мне потом сказали, книгу дали посмотреть одному очень знающему человеку, мнением которого очень дорожили. Проблема была в том, что они забыли, кто этот прекрасный человек, и поэтому рукопись, скорее всего, никакой рецензент так и не прочитал. Как бы то ни было, через месяц книга уже была напечатана и первые 100 тысяч экземпляров поступили в продажу, а всего тираж был 500 тысяч.

Потом книгу стали перепечатывать недобросовестные издатели, и появились версии, в которых у меня есть соавторы, а общий тираж перешагнул за миллион. Такие забавные истории были возможны в 1989–1991 гг., когда издавать уже можно было все, что угодно, но книжный рынок еще не был заполнен всякой эзотерикой. И главное — были издатели, которые быстро принимали решения, и авторы, которые могли придумать концепцию книги «на коленке» и воплотить эту концепцию в сжатые сроки.

2

«Автор», «редактор» и «рецензент» — это определенные социальные роли, а не только профессии. Один и тот же человек в одной ситуации может выступать как автор, в другой как редактор и в третьей как рецензент. Если речь идет о публикации архивных или полевых материалов, то автор вступительных статей и комментариев может дополнительно заниматься архивными разысканиями, ездить в экспедиции, готовить тексты к изданию в соответствии с определенными правилами. Автор одной из статей, написанных для коллективного труда, может быть одновременно ответственным редактором этого труда.

Идеальный редактор сочетает в себе три роли: он является, во-первых, специалистом в той области, к которой относится редактируемый им труд; во-вторых, хорошо владеет русским языком и, в-третьих, исполняет параллельно функции корректора, т.е. исправляет не только фактические, но и стилистические ошибки. Идеальный редактор отслеживает в тексте разного рода погрешности и помогает автору очистить текст от ляпов, которые встречаются порой даже в сочинениях самых высокообразованных ученых.

Идеальный автор передает редактору полностью готовый текст, вычитанный и выправленный, так что редактор может целиком сосредоточиться на содержании этого текста. В этом случае работа редактора сводится к тому, чтобы помочь автору обнаружить в его тексте отдельные неточные формулировки, лакуны в библиографии и т.п. Идеальный автор и идеальный редактор сотрудничают друг с другом и доводят текст до идеального состояния.

Если речь идет о подготовке какого-то коллективного научного издания, то работа редактора начинается с определения концепции издания, подбора авторского коллектива и согласования тематики отдельных статей или публикаций. Эти предварительные собеседования очень важны, особенно если редактор привлекает относительно молодых и неопытных авторов или если редактор является одновременно научным руководителем нескольких потенциальных авторов.

Я довольно много готовил к изданию книг по фольклору, истории литературы и истории науки как ответственный редактор, составитель и автор комментариев. Несколько раз я просил других ученых выступить в качестве ответственных редакторов этих книг. Это сотрудничество было для меня исключительно полезным. Наиболее существенные добавления ответственного редактора я обычно вносил дополнительно в мои комментарии с указанием автора этих фрагментов. То есть ответственный редактор не только помогал поправить и дополнить мой текст, но и выступал отчасти в качестве моего соавтора.

Подготовка научного труда в рамках научного проекта также имеет свою специфику. Идеальной является такая ситуация, когда текст, прежде чем стать статьей, проговаривается в виде доклада на семинаре или на конференции и становится предметом дискуссии. Будущий редактор имеет возможность обсудить текст с автором и с другими специалистами на предварительном этапе, еще до того как текст зафиксирован на письме.

Сам я также неоднократно выступал в качестве ответственного редактора чужих авторских книг или коллективных изданий. Внутренне я всегда старался соответствовать образу идеального редактора, который описал выше. О том, насколько мне это удавалось в разных случаях, судить, конечно, не мне. В молодости у меня был некоторый опыт работы корректором, и я привык, читая чужие тексты, править заодно опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки. Я в общем понимаю, что это лишнее для ответственного редактора, но все равно делаю это, скорее по привычке, чем из какого-то принципа.

Практика рецензирования имеет формализованный характер и регулярно используется при защите дипломных работ и диссертаций, при оценке статей в так называемых индексируемых журналах, при обсуждении готовых трудов на ученом совете научной организации, при оценке проектов, поданных в различные научные фонды. Эксперты таких фондов подписывают специальные договоры, в которых обязуются соблюдать определенные правила. Каждое экспертное заключение, подготовленное, например, для РФФИ, начинается с подтверждения того, что у эксперта нет личной заинтересованности в результатах экспертизы.

Экспертная оценка заявки или отчета по проекту тоже по существу представляет собой своеобразную рецензию, хотя и выполненную по определенной схеме. Идеальный эксперт не просто является специалистом, но представляет себе всю панораму научных школ и институций в определенной области и смежных специальностях. Он стремится к максимальной объективности, не дает воли эмоциям и скептически относится

к признанным научным авторитетам. Поскольку отзывы частично доступны авторам проектов, эксперт взвешивает каждое слово и пишет только то, в чем он полностью уверен.

Поскольку я много лет работаю экспертом в нескольких научных фондах и регулярно рецензирую статьи для журналов, у меня выработалась привычка оценивать с точки зрения эксперта любой научный текст, который я читаю. Я, разумеется, не правлю этот текст, но почти бессознательно анализирую его структуру, достоинства и недостатки. Кроме того, я почти автоматически начинаю критически оценивать собственные тексты. Это довольно сильно затрудняет творческий процесс, поскольку побуждает многократно возвращаться к одним и тем же текстам и переписывать их снова и снова.

Если речь идет о статье, присланной в научное издание, то идеальный рецензент не только оценивает эту статью, но и помогает автору увидеть ее достоинства и недостатки, подсказывает упущенную автором литературу вопроса, вылавливает в тексте всякого рода фактические ошибки.

В ситуации, когда ученый пишет рецензию на уже опубликованную книгу, он значительно более свободен в выборе жанра и стиля. Знаю по своему опыту, что при подготовке журнальных рецензий автор как бы выбирает некую тональность, которая определяется его общим отношением к рецензируемой работе. Идеальный рецензент и в этом случае стремится к объективности, соблюдая баланс между оценкой достоинств книги и ее критикой. К сожалению, некоторые авторы смотрят на рецензии просто как на предлог для зубоскальства и вместо взвешенной оценки предлагают что-то вроде перечня ошибок и опечаток, которые при желании можно найти почти в каждой книге. Однако самое обидное для автора — это даже не отрицательная рецензия, а полное отсутствие рецензий, которое внушает мысль, что твоя книга никому не нужна и не интересна.

3

Однажды я получил три рецензии на свой научный отчет по грантовому проекту. Две рецензии были вполне позитивные и даже комплиментарные, а третья совершенно разгромная, причем сложилось такое впечатление, что автор рецензии за что-то люто ненавидит меня лично и вся рецензия для него — это просто способ сообщить мне о своей ненависти. Я не знаю, кто был автором этой рецензии (да и знать не хочу), но могу предположить, что это как раз тот «антигерой», о которым вы спрашиваете.

4

Конечно, «мирное сосуществование» автора, редактора и рецензента вполне возможно и очень желательно. Залог такого

взаимодействия — соблюдение существующих писаных и неписаных правил, позитивные установки, готовность слышать и понимать другого человека, воспринимать иное мнение как ценность и стимул для развития.

Думаю, что любой современный ученый на протяжении своей жизни выступал и в роли автора, и в роли редактора, и в роли рецензента, да и во многих других ролях. В каждой роли человек овладевает определенными навыками поведения и взаимных отношений с людьми, играющими другие роли. Если сегодня ты играешь роль автора и работаешь с текстом рецензента, а завтра играешь роль рецензента и работаешь с текстом автора, но уже как бы с другой стороны, то это обогащает твою личность и развивает толерантность к чужим подходам и точкам зрения.

Человек, который порождает научный текст, не только является автором, но и выступает как редактор и рецензент по отношению к самому себе, поскольку оценивает собственные тексты уже как критик и читатель. В этой регулярной смене ролей, по-видимому, и заключается диалектика творческого процесса. Каждый, вероятно, испытал странное чувство, когда с удивлением читал какой-нибудь собственный текст, написанный и напечатанный много лет назад. Поэтому, в частности, так важно не только читать свой текст с экрана, но и время от времени распечатывать его и читать на бумаге, чтобы иметь возможность увидеть его глазами постороннего человека.

ОЛЬГА ХРИСТОФОРОВА

«Зачем вы вообще этой темой занялись?»

Публикация как роды и поединок

1

Мой авторский стаж — 25 лет, редакторский — 20, стаж внешнего рецензента — меньше: 10 лет, если говорить о монографиях, и года три — о журнальных статьях. Эти три позиции очень разные по отношению к тексту, но все так или иначе претендуют на право знать, что такое идеальный текст и как эта конкретная работа соотносится с идеалом. Понятно, что нахождение на каждой из позиций дает разные эмоции по отношению к тексту, и позитивные, и негативные. И редактору, и рецензенту бывает тоскливо или, реже, радостно от книг и статей, с которыми приходится работать, но все же автор больше вовлечен в процесс и реагирует, как

правило, более эмоционально. И я так же — много чего было за годы редакторской работы, но запомнились (а значит, были более травматичными) ситуации, связанные с публикацией моих собственных текстов.

Помню, в 2013 г. редактор очень тщательно работала с моей рукописью об икоте — демоне, вселяющемся в человека. Она прекрасно замечала опечатки, недочеты в списке литературы, задавала массу вопросов, требовала уточнений. В высшей степени профессионально работала. Но как-то раз, обсуждая со мной очередную порцию правки, она сказала: «Зачем вы вообще этой темой занялись? Неужели это может быть кому-то интересно?» Этот вопрос показался мне неуместным, нарушающим границы приватности и даже приличия, но он был закономерным продолжением ее редакторской работы: она предлагала правку исходя из собственных представлений о стиле, задавала вопросы и требовала уточнений исходя из собственных знаний. Такая личная позиция, осваивая чужой текст, отчасти присваивает его и дает возможность задавать такие вопросы. Но так быть не должно, конечно.

Второй пример более позитивный — один зарубежный журнал по фольклору попросил у меня статью о той же икоте — их интересовали мифологические представления об этом демоне и человеческом состоянии, которое приписывается его действиям. Статью отрецензировал анонимный рецензент, также зарубежный, предложивший описать икоте с точки зрения социального контекста, гендера и некоторых других позиций. Фактически это означало написать новую статью. Но тут редактор сказала, чтобы я не обращала внимания на эти замечания, потому что, во-первых, в статье другая оптика и она не предполагает аспектов, указанных рецензентом и, во-вторых, статья нравится редакции журнала. Так что текст был опубликован с совсем небольшими доработками, обошелся «малой кровью».

Недавно похожая история закончилась иначе. Текст в один зарубежный сборник, принятый редакторами, рецензент предложил методологически развернуть в другую сторону, дать несколько иную рамку. Не могу сказать, чтобы это меня как-то расстроило, но то, что я не нашла времени это сделать до дедлайна и поэтому сняла статью, наверное, говорит о скрытых чувствах автора.

4

Автор, редактор и рецензент — эти три позиции находятся в разных местах на «карте академического знания», и путь между ними пролегает по скалистым горам и непроходимым лесам. А иногда пути и вовсе нет. Или можно сказать, что автор, редактор и рецензент — разные государства, находящиеся в сложных отношениях, переходящих от мирного существова-

ния к военным конфликтам. Бывают между этими государствами и коалиции — двое «дружат против третьего». Удивительно, что цель при этом у всех троих одна — сделать хороший научный текст, высказать достойную реплику в академическом разговоре. Редко при этом они солидарны во взглядах на конкретный текст — каждый из них имеет собственное представление о том, как «сделать лучше». Здесь можно предложить еще одну метафору для этих взаимоотношений — роды, где, понятно, автор — роженица, редактор — акушерка, рецензент — внешний наблюдатель, скажем, врач-неонатолог. В рамках этой метафоры автор — основной герой процесса, но также и объект приложения силы и власти двух других участников, которые «знают, как лучше». Я сознательно использую термины из западной медицины, где властные отношения устроены именно таким образом (добавлю еще и педиатрию — тот, кто бывал с ребенком на приеме у, скажем, участкового педиатра, подтвердит: по мнению врачей, мать — главный враг медицины на пути к здоровью и счастью ее дитяти). Во всяком случае повитухой или доулой редактора редко можно назвать.

2

Таковыми идеальными редакторами я могу назвать Елену Петровну Шумилову, Елену Сергеевну Новик, Сергея Юрьевича Неклюдова, вообще людей их поколения и школы. Елена Петровна Шумилова стала редактировать научную литературу сравнительно поздно, придя в 1992 г. в Институт высших гуманитарных исследований РГГУ. Но она сразу стала ярким, умным, блестящим редактором. Никогда не придиралась по пустякам, давала ценные советы, уважала автора и его права на мысли и даже запятые, не настаивала на своем видении. Вся издательская деятельность ИВГИ была в ее руках, и это был выдающийся проект. А вот Елена Сергеевна Новик всю жизнь совмещала и научную, и редакторскую работу (до 1974 г. работала в издательстве «Искусство», где редактировала монографии П.Г. Богатырева, А.Я. Гуревича, Б.А. Успенского, Е.М. Мелетинского и другие книги; под ее редакцией в 1985 г. вышел перевод «Структурной антропологии» К. Леви-Строса и другие книги издательства «Наука», а в 1990–2000-е гг. — избранные труды Е.М. Мелетинского и П.Г. Богатырева, мифы и сказки разных народов Западной Сибири и др.). Она была моим научным руководителем, и я на своем опыте могу утверждать, что более умного, внимательного и при этом мягкого редактора трудно себе представить. То же самое могу сказать о Сергее Юрьевиче Неклюдове. Можно было бы предположить, что совмещение двух позиций — автора и редактора — делает человека внимательнее, тактичнее, доброжелательнее (в обеих позициях). Но если так и бывает, то, разумеется, не всегда — переключение «регистра» может как будто подменять человека, и добрый

редактор становится невыносимым автором, защищающим каждую свою запятую. Впрочем, такое сочетание кажется логичным (в обоих случаях высшей признается позиция автора), сложнее другие ситуации — когда мягкий автор мягок и как редактор (где тогда точка отсчета?), когда вредный автор становится вредным и как редактор (как? Как он не видит себя на противоположной позиции, у него же есть опыт?).

Итак, идеальный редактор — тот, кто уважает автора и его право на мысли и их формулировки, кто помогает улучшить текст, не ехидничая и не раздражаясь, не демонстрируя свою власть над автором. И согласовывает с ним все правки! (В наше время эта прекрасная черта старой редакторской школы, кажется, исчезает.)

Заметила, что пишу все время от лица авторов. Попробую переключить регистр и посмотреть на ситуацию как редактор. Идеальный автор — это тот, кто присылает текст в срок, отвечает на письма сразу, принимает правку легко, а если не принимает — то обосновывает свою позицию, не включая негативные эмоции.

Идеальный рецензент соблюдает сроки (актуально для редактора), критикует текст исходя из того, что в нем есть (а не чего нет), не требует переписать всё в соответствии с собственным видением темы, дает конкретные советы по улучшению текста, не выказывает негативные эмоции (актуально для автора).

Несправедливым было бы обойти и мнение рецензента. Для него идеальным будет редактор вежливый, дающий реальные сроки и присылающий внятные формы для рецензии. Идеальный автор для рецензента — тот, в чьей опубликованной статье он видит учтенными свои советы, исправленными отмеченные ошибки.

Я скажу банальность, но для мирного существования на благо издаваемого текста для всех троих важны уважительное отношение друг к другу, доброжелательность, пунктуальность, настроенность на сотрудничество, а не на поединок за власть над текстом.

3

О редакторах и рецензентах — «антигероях» я писала выше, теперь об авторах. Сначала приведу пример из опыта С.Ю. Неклюдова (со слов Ольги Владиславовны Беловой, ныне главреда «Живой старины»). Когда в советские годы С.Ю. Неклюдов работал редактором, ему приходилось иметь дело с разными авторами, в том числе такими, которые считали, что одного их статуса достаточно, чтобы числиться учеными. Один из таких персонажей обогатил опыт Сергея Юрьевича сентенцией: «Ви-дишь мысль — развей!» И с его подачи этот перл вошел в ко-

пилку опыта нескольких поколений научных редакторов.

За годы работы редактором (неформальной, подчеркну — речь идет о редактировании сборников статей коллег, альманаха “In Umbra”, о позиции приглашенного редактора журналов) я сталкивалась с разными авторами. Кто-то был вполне лоялен и принимал предлагаемую правку, кто-то возмущался и не позволял изменить ни буквы. Но каких-то конкретных случаев, причинивших редакторскую боль, не припомню. Зато есть забавные ситуации, разбавляющие иногда тоскливое сидение над текстом. Как вам, например, такая опечатка? «...По груде дел скачет черный скелет, восседающий на монструозном костлявом льве с рогом посреди лба». Как-то даже оптимистично.

Благодарности

Публикация подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект FSZG-2020-0019 (регистрационный номер АААА-А20-120070890028-5).

ВИКТОРИЯ ЧЕРВАНЁВА

Тема этого «Форума» для меня чрезвычайно интересна, поскольку мне самой постоянно приходится выступать во всех названных ипостасях — как автор, рецензент и редактор — и в рамках каждой роли взаимодействовать с остальными сторонами. За время работы, конечно, накопилось немало историй (всяких — и смешных, и грустных) и сформировалось представление о том, каким должен и каким не должен быть каждый из участников редакционно-издательского процесса. Более подробно мне хотелось бы остановиться на втором и третьем вопросе форума, а примеры конкретных случаев привести как иллюстрации моих суждений.

2

«Редактор — мечта автора»

Идеальный редактор в моем представлении — это, во-первых, профессионал в той тематической области, где ему приходится работать. Эта компетенция позволяет ему увидеть огрехи в авторском тексте и сделать автору ценные замечания, а также — что

тоже немаловажно — не делать глупых замечаний и не ставить пустых вопросов перед автором, пожирая его время для растолкования. Совсем прекрасно, если это человек, обладающий широким кругозором и обширной общей эрудицией, что способствует тому же самому (или хотя бы не лениющийся познавать что-то новое при необходимости — иногда просто оторопь берет от списка присылаемых редактором вопросов, которые можно было бы снять одним кликом, погуглив, и не затевать переписку с автором).

Во-вторых, важнейшее качество редактора — прекрасное знание языка (как говорил один из московских издателей, настоящий редактор только тот, кто «спит в обнимку с Розенталем»), и это, кажется, настолько очевидно, что не нуждается в обосновании.

И, в-третьих, на мой взгляд, к редактору может быть отнесена заповедь врача — *primum non nocere* («прежде всего не навреди»). Идеальный редактор бережно относится к авторскому тексту, не навязывает лишней правки, сохраняет авторский стиль и авторское слово. В этом проявляется и профессионализм, и такт редактора, умеющего держать себя в рамках и не выходить за границы своей компетенции. Ведь он не соавтор и не научный руководитель нерадивого студента, текст которого проще переписать, чем исправить, и потому редактору всегда нужно помнить о своей роли — не главной, а вспомогательной.

«Автор — мечта редактора»

Самый замечательный автор, по моему ощущению, — это тот, кто серьезно и ответственно подходит к указанию своих источников и цитат, следит за их точностью и корректностью. Наиболее трудоемкой частью редакторского процесса обычно становится перепроверка научно-библиографического аппарата. По моему опыту редакторской работы самыми приятными авторами были те, кто сам занимал редакторскую должность в каком-то другом журнале. Так что я бы сказала так: мечта редактора — это другой редактор.

И еще, пожалуй, отмечу одно качество автора, делающее его в глазах редактора близким к идеалу, — готовность к взаимодействию, быстрое и адекватное реагирование на письма, вопросы и запросы.

«Рецензент — мечта обоих»

Прекрасные рецензенты — именно с такими мне чаще всего и приходилось иметь дело в моем авторском опыте («не прекрасные» — такие тоже бывали — те, кто давал формальные невыразительные отзывы, и я им тоже благодарна). Идеальный

рецензент не просто оценивает статью — он дает автору такие рекомендации, которые не только позволяют ее улучшить, но и открывают новые перспективы исследования, вдохновляют, воодушевляют. Собственно, практика научного рецензирования и нацелена на то, чтобы сделать научный журнал площадкой для дискуссий, научного поиска, апробации идей и обмена опытом. Я почерпнула для себя много пользы из общения, пусть и «слепого», с рецензентами и убеждена, что высококвалифицированный эксперт в качестве рецензента делает огромное благое дело (жаль, что за все это ему никак не воздается).

3***Ужасный редактор***

Антигерой-редактор — для меня это прежде всего антипод идеального редактора в последнем из названных мною качеств. Это редактор, одержимый особой «редакторской спесью».

В чем проявляется эта «спесь»? Прежде всего в необоснованной правке, вплоть до переписывания авторского текста. Я глубоко убеждена, что поле деятельности редактора очерчивается пределами языковой нормы — редактор имеет право вносить правку только там, где нарушаются границы нормы. А если «творческая деятельность» редактора заключается в замене деепричастных оборотов придаточными предложениями и наоборот, то это не работа, а вкусовщина и непрофессионализм.

Тем не менее такой подход к редактированию встречается, и не так уж редко. Мой муж, например, разорвал отношения с весьма почтенным журналом по философии, где постоянно публиковался, как раз из-за такого горе-редактора, полностью переписавшего, а не отредактировавшего его статью и, что самое возмутительное, отказавшегося «все вернуть на место». К слову, руководство этого журнала равнодушно отреагировало на конфликтную ситуацию и не приняло никаких мер к ее разрешению, в результате чего редактор продолжил переписывать чужие тексты, а автор перестал подавать статьи в этот журнал.

Плохой редактор — тот, кто так или иначе выходит за пределы своей компетенции. Однажды мне пришлось столкнуться с совершенно вопиющей ситуацией, когда выпускающий редактор, готовящий мою рукопись к печати, уже на последнем этапе процесса — после положительного результата экспертизы, самовольно снял мою статью с публикации, даже не уведомив об этом (просто я не обнаружила статью в очередном выпуске журнала и сама стала выяснять причины). А причина была в том, что этот редактор (к слову, не имеющий даже ученой степени в области филологии) усомнился в валидности моего исследования и выводов, усмотрел ошибки в использовании терминологии и, прислав на согласование редактуру статьи,

задал мне соответствующие вопросы в числе прочих. Мои ответы и разъяснения, оказывается, редактора не удовлетворили, и он решил по-хозяйски расправиться с не внушающим доверия автором.

Все мои попытки разобраться и добиться правды пропали втуне — присланная мне ранее положительная рецензия на статью уже была названа отрицательной (так были истолкованы содержащиеся в ней замечания), откуда ни возмись появилась еще одна рецензия, до этого мне не показанная, — маленькая, на полстраницы, и несодержательная, но с четко эксплицированным выводом о несоответствии статьи проблематике журнала. В итоге я решила не раздувать конфликт, а просто отказаться от сотрудничества с этим конкретным журналом, пока там трудятся такие кадры.

Описанные истории кажутся мне показательными потому, что не только демонстрируют, каким не должен быть редактор, но и высвечивают проблему отсутствия кодифицированных («писанных») норм во взаимоотношениях редакторов и авторов, поскольку неписанные правила соблюдают не все и не всегда. Из моего опыта взаимодействия с редакциями журналов в моей авторской ипостаси я вынесла ощущение, что в случае конфликтной или проблемной ситуации редактор имеет преимущественное положение и при желании может позволить вести себя как хозяин журнала: не нравится — не печатайтесь.

Самоутверждение редактора за счет авторов, по-моему, первейший признак профдеформации. Думаю, причина такого подхода к редакторской работе не только в непрофессионализме и непонимании своих задач. «Редакторская спесь», о которой я говорю, возрастает на почве властных отношений, неизбежно возникающих в процессе издательской работы. Автор, подающий статью в журнал, в каком-то смысле проситель: он зависим от своего университетского руководства, от чиновников фонда, выдавшего грант, за который надо отчитаться, от всей этой наукометрической вакханалии, в которой мы уже давно живем, и потому отношения автора и редактора нуждаются в регулировании.

Ужасный автор

Авторы бывают сложные, а бывают ужасные.

Сложные для меня как для редактора авторы — это, например, плохо владеющие русским языком иностранцы или авторы, пишущие о той области, в которой я плохо разбираюсь (к примеру, востоковедение), и потому при работе с их статьями мне

приходится тратить гораздо больше времени на уточнение терминов, имен собственных, источников и т.п.

Ужасный автор — это автор «с пониженной социальной ответственностью». Например, тот, кто на этапе подготовки рукописи к публикации пропадает и не отвечает на письма. Или тот, кто считает, что оформлять собственную рукопись по требованиям журнала не его барское дело, и предоставляет редакции самой заняться оформлением его пристатейного списка из полусотни источников.

4 *Ужасный рецензент*

С такими я не сталкивалась как автор, но в практике работы в журнале не раз наблюдала рецензентов, дающих такие отзывы, которые страшно показывать авторам, настолько в них зашкаливает градус недоброжелательности. На мой взгляд, написание отрицательного отзыва требует гораздо большего внимания к словам и более взвешенного отбора выражений. Унижающие, уничижающие, написанные издевательским тоном рецензии совершенно недопустимы.

Человек, к которому редакция обратилась с просьбой дать рецензию, получает статус эксперта, но не все способны справиться с этой задачей. По моим наблюдениям, прослеживается корреляция: злые и одновременно поверхностные отзывы дают чаще всего кандидаты наук, а не доктора.

И в этой ситуации автор тоже оказывается в невыгодной позиции. Стоит задуматься, почему рецензент, который в профессиональном отношении может быть не сильнее автора, в ситуации журнального взаимодействия диктует условия, которые автор волей-неволей должен выполнять. Впрочем, проблема эта легко решается, если для автора предусмотрена возможность обоснованного отказа от выполнения рекомендаций рецензента (другое дело, что не во всех журналах существует такая практика).

Думаю, что мирное сосуществование возможно и даже легко осуществимо — при условии четко прописанных правил (пусть действующих в рамках отдельного журнала, но обязательных для всех сторон) и контроля за их соблюдением без исключений для кого бы то ни было.

При размышлении о взаимоотношениях и взаимодействии трех сторон издательского процесса вспоминаются слова кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». Наука, которой мы занимаемся, все-таки область прекрасного, а не поле боя или ярмарка тщеславия — нельзя об этом забывать.

АНТОН ЧЕХОНТЕ

1

Поскольку мои ответы в основном касаются бытовых подробностей журнальной и издательской «кухни», поделюсь здесь странным, даже экстраординарным случаем. Мы с коллегой лет 25 назад готовили коллективную монографию, и работа с автором NN превратилась в кошмар: текст он нам отправил, мягко выражаясь, не очень качественный, так что нам пришлось бегать по библиотекам в поисках цитат и вообще документальных сведений (сюжет был для нас важный и тогда практически не освещался в науке). Причем с этим автором были еще неприятности идеологического свойства: он был ярким антисоветчиком, вплоть до того, что такие понятия, как «гегемония» (в качестве цитаты из Грамши), обзывал «связом». Капризничал, истерично возражал, стиль — образец плохописи. По полной программе, короче. Были сложности даже с гонораром — автор попросил перевести деньги на счет под другим именем (бухгалтерия нашего университета была, как можно себе представить, далеко не в восторге). Но материал удалось, несмотря на визг и оскорбления, тщательно обработать. Книга вышла, на эту главу иногда и ссылаются, получилась она, говорю без ложной скромности, довольно приличной. А через 10 лет после появления книги в университете, где работал NN, разыгрался большущий скандал: наш бывший автор, как оказалось, за счет университета поехал за границу на международный съезд крайне правых, где выступил с псевдонаучным докладом в духе «права кривая Белла, умнее всех белые». Его немедленно отстранили от работы, и за считанные секунды до полного увольнения NN успел выскокить на пенсию. Классический случай: навязывал свои принципы, а оказался негодяем чистой воды. Но с его главой и в самом деле возник щепетильный вопрос. Попросить издателя переиздать книгу без этой главы — совсем пахнет Оруэллом, даже если бы это было возможно реализовать с практической

точки зрения. Снять имя автора — еще хуже. И по сути дела ведь глава создана не автором, а редакторами, там фактически от него ничего не осталось — разве несколько запятых. Так что глава так и живет своей жизнью под именем (или может быть, не под именем? Банковский счет ведь был на другое имя) мнимого ее автора.

2

Везло — были. Реже, правда, с журнальными статьями, чем с книгами, — в журналах идет постоянный процесс работы с разными авторами, редактора более стандартная. Но в любом случае, самое важное со стороны редактора и рецензента — вникать в то, что хочет автор. Плохо, когда действуют по правилу «если бы я сам(а) писал(а) текст на эту тему, то...» Это совсем не значит, конечно, что должны все хвалить. Никто не любит пользующегося дурной славой «Рецензента № 2», но от него часто больше пользы, чем от рецензента, всем довольного. Если не сразу (на критику большинство, я в том числе, реагируют болезненно), то со временем меньше чувствуешь благодарности к рецензиям вроде «статья замечательная, ее можно опубликовать без каких-либо оговорок», а больше к рецензиям, которые состоят если не из одних оговорок, то по крайней мере из резонного перечня предлагаемых улучшений. (Это, кстати, реальный пример — Рецензент № 1 бегло просмотрел статью и даже не заметил, что одна и та же цитата приводится в двух разных местах, не говоря о менее важных недочетах.)

3

Недавно от одного журнала получила сразу две рецензии. Их можно вкратце резюмировать так: «Ссылайтесь на мою работу!» и «Все в статье хорошо, но надо рассуждать не так, а как всегда пишут, касаясь этой темы. Советую посмотреть работы...» (последовал список публикаций 1990-х гг., которые, разумеется, были мне известны и с которыми статья как раз и спорила). К счастью, редакция отнеслась с пониманием, и дело обошлось вставкой одного абзаца вначале и парой примечаний. Это два очень характерных типа рецензента, и с обоими плохо. Не люблю и патриотов своей страны, которые настаивают на том, что наука отечественной школы должна быть представлена в каждой статье, даже если этой науке, собственно говоря, нечего сказать на заданную тему. Один раз, как сейчас помню, рецензент требовал ознакомиться со статьей в каком-то малоизвестном журнале. После долгих поисков и просмотра якобы новаторской статьи стало понятно, что это пересказ на языке рецензента работ, которые в статье были и без того учтены. Но все это мелочи¹. Главное,

¹ Бывают и рецензенты более своеобразные. Например, реагируя на одну мою статью о документе ООН, в работе над которым участвовали представители чуть ли не 15 стран, рецензент (надо полагать, охваченный молодежным пылом) написал, что было бы хорошо подробно изучать рядом с документами ООН материалы архивов всех стран — участников дискуссии!

работа редактора и рецензента учит пониманию их позиций, поскольку писать собственные тексты (как бы мы над ними ни ругались) все равно приятнее, чем потеть над чужими. И редко сталкиваешься с таким адским редактором, как автор NN в ответе на первый вопрос. Самый неприятный случай в моем опыте — редактор, который все время жаловался на свою работу и бесконечно затягивал работу с текстом. В конце концов, получив от меня письмо с вежливой просьбой уточнить, чем он все-таки *готов* заниматься, редактор обиженным тоном ответил: «А с какой стати Вы считаете, что я должен править Ваш текст?» Ну там...)). Но нередки авторы, которые относятся к редакторам, как Салтычиха к крепостным. Со знаменитостями как раз почти всегда хорошо: принимают предложения (если возражают, то вежливо и резонно), делают все быстро. Зато уж как бывает с авторами одной публикации, которые на этом основании считают себя гениями и выше всякой критики! В таком случае даже исправление орфографической ошибки может вызвать бурный протест.

4

Здесь уже впадаю в банальности: конечно, гармоничная совместная работа вполне возможна, только не надо относиться к редакции, как будто это Главлит советской эпохи (и естественно, не надо самой редакции вести себя подобным образом).

ЯНУШ ЮКСИПУЛИН

4

Что значит хороший или плохой автор, хороший или плохой редактор? Ничему такому нас специально не обучали, а сами мы набирались знаний и умений кто во что горазд. Нас учили писать курсовые, магистерские и кандидатские, а некоторых — рецензии на книги или на работы однокурсников. Научные руководители читали и правили наши статьи перед подачей их в сборник или журнал. Некоторых из нас, начавших работать в редакциях журналов, наставляли более опытные сотрудники. Однако основные практические знания и опыт обретались в процессе работы и взаимодействия — авторов с редакторами, редакторов с авторами, тех и других с рецензентами. Тут-то и происходило взаимное обучение: мы учились друг у друга — и хорошему, и плохому.

И конечно, не существует точных правил относительно того, как должны взаимодей-

ствовать один ученый (автор) и другой ученый (редактор), чтобы превратить рукопись первого в опубликованную статью или книгу. Для каждого из нас встреча с очередным автором или редактором (тем более с рецензентом) — что-то вроде лотереи: на кого нарвешься. Обычно как редакторы мы опытнее и настырнее: нам приходится работать с большим числом авторов (чем количество редакторов, с которыми мы работаем в качестве авторов), нам легче аргументировать свою позицию ссылкой на внутренние правила журнала. А как авторы — трепетнее и тревожнее: кто бы ни редактировал текст, в каком бы журнале или издательстве он ни выходил, он остается детищем автора и будет подписан его именем, а не редактора. Но даже тем, кому доводится примерять разные роли, выступая то автором, то редактором, а то и рецензентом, бывает непросто понять другого. Порой как раз потому, что все эти позиции нам знакомы. Взять, к примеру, меня...

2

Скажу без ложной скромности, редактор я умелый и, думается, весьма неплохой. Многолетний опыт и большое разнообразие (по уровню и содержанию) поступающих материалов многому меня научили. У меня есть сложившаяся манера работы как с текстами, так и с авторами — достаточно гибкая, чтобы не стричь всех под одну гребенку, и достаточно жесткая, чтобы статьи в нашем издании выглядели единообразно, а не кто в лес, кто по дрова. В общении я мил и терпелив, авторский текст без нужды не терзаю, следуя завету моего первого наставника в редакторском деле: что можно не исправлять — не исправляйте! Общей эрудиции и чувства языка мне обычно хватает, чтобы не допускать в текстах глупости и корявости. Короче говоря, если нужен идеал — то вот он я. Разумеется, все мы не без греха, но в целом...

А что такое автор с большим редакторским опытом? Несомненно, это и есть мечта всякого редактора. Пишу я внятно, логично и гладко: со студенческих лет так писал — сначала читал хорошие книжки (внимательно читал!), а потом редакторская работа учила. Оформление статей у меня безупречное, включая ссылки и библиографию. На письма из редакций отвечаю быстро и аккуратно, редакционный процесс знаю изнутри. Понимаю, например, что можно легко поправить в сверстанном тексте, а что потребует переверстки. Что касается научной ценности моих статей, то в своей сфере я достаточно профессионален. Редакторы, дававшие полезные советы по содержанию текста, встречались мне пару раз, но не более того. Думаю поэтому, что и здесь я до некоторой степени приближаюсь к идеалу. Во всяком случае должен представлять таковым в глазах редакторов.

3

Стремясь к совершенству в том и другом, я плохо понимаю и с трудом переношу тех, кто от него далек. Ну как может исследователь (давно не студент) не уметь последовательно выстраивать текст, вразумительно излагать свои мысли и оформлять библиографию? Беспомощность или небрежность в этом отношении крайне раздражает. Разумеется, как редактору, мне проще внести исправления самому, чем образовывать неуча или воспитывать лодыря. Это экономит усилия обеих сторон, тем более что беспечные авторы (каковых большинство) не любят утруждать себя тщательной доработкой и с готовностью принимают редакторскую правку. Гораздо утомительнее зацикленность автора на собственном тексте. Таковая встречается реже, но доставляет больше хлопот. Дотошный и уверенный в своей непогрешимости автор может вымотать самого терпеливого редактора, постоянно доказывая, что его идеи должны быть сформулированы единственно верным образом, упорно возвращая в текст неуместные формулировки, слова и знаки препинания. Бесконечное тягание (разумеется, весьма вежливое!) с таким автором кажется бессмысленной тратой сил и времени. Продуктивнее исправить несколько наиболее неприемлемых мест, а прочие оставить на усмотрение упряма: отказываясь от вдумчивой правки умелого редактора, он делает хуже самому себе, ведь не под моим именем выйдет статья.

И совсем уж обескураживают неумелые редакторы, особенно из ученых. Казалось бы, чего проще: набирайся опыта, будь тщательным и работай с авторами, как ты хотел бы, чтобы работали с тобой. Но, увы, немногие следуют этим разумным правилам. Видимо, виной тому стремление минимизировать усилия, что всегда ведет к невнимательности. Конечно, в моих собственных текстах трудно найти оплошности, но мне не раз доводилось встречать неряшливую правку в текстах коллег-ученых. До чего же это мучительно видеть! Остается только все переделать самому, чтобы помочь попавшему в плохие руки товарищу.

От дотошных же и придирчивых редакторов доставалось и мне. Напоминаю: пишу я прекрасно, у меня отличные вкус и чувство языка, все статьи оформлены наилучшим образом. Что должно делать редактору такой статьи? Радоваться и не вторгаться. Так нет же, находятся такие, кто в своем усердии начинают цепляться к словам и формулировкам, переставлять местами слова (разумеется, неслучайно поставленные мною именно в таком порядке) и даже заменять одни знаки препинания на другие. И совсем уж невозможен редактор (или рецензент), который мнит себя научным руководителем автора и наставляет его словно собственного аспиранта. Разумеется, все это полный нонсенс, по крайней мере в отношении меня. В общении

с редакторами я всегда мил и терпелив. Однако с наиболее настырными из них приходится проявлять настойчивость, восстанавливать написанное и даже напоминать об авторском праве. Статья-то моя и, как это ни странно, за результат невежественной редакторской правки краснеть придется мне.

1

Историй множество, поделюсь одной, случившейся трижды (или тремя, практически идентичными). Однажды, лет пятнадцать назад, мне предложили подать статью в сборник по итогам конференции. Я согласился, прислал ее в назначенный срок и стал ждать письма с редакторской правкой. Долгое время мне никто не писал, а потом я получил авторский экземпляр сборника, в котором моя статья вышла без единого исправления. Естественно, я был крайне изумлен, но, поскольку сборник был иностранный, предположил, что «у них так принято». Через несколько лет та же история повторилась с русским сборником. И я вновь был изумлен. На третий раз мне все-таки прислали посмотреть готовую верстку, но и в этот раз в моем тексте не было сделано ни единого исправления — потребовавшуюся мне правку внес я сам! Как такое можно понять? Разумеется, все три моих статьи, как обычно, были безупречно написаны и оформлены по предложенным правилам. Но ведь у всех трех сборников были редакторы, и научные, и технические, должны же они были что-то делать? Читали ли они поступившие статьи? Где это видано, чтобы тексты выходили ровно в том виде, в каком были присланы? До сих пор, вспоминая эти случаи, я негожую и как автор, и как редактор...¹

¹ Текст, конечно, безупречен, но, чтобы не заподозрили, что я бездельник, не читающий тексты, что-то я все же поправила. (Прим. лит. ред.) И я тоже. (Прим. тех. ред.)

«МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ» ВОЗМОЖНО, ЕСЛИ... (ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОБСУЖДЕНИЮ)

Форум юбилейного номера мы решили посвятить отношениям между авторами, рецензентами и редакторами. Можно сказать, решили посвятить его и себе, поскольку все сотрудники редакции журнала в той или иной степени выступают в этих ролях.

Нам кажется, предложенная к обсуждению тема приобретает сейчас особое значение, учитывая те изменения в научной жизни, которые явились следствием введения наукометрических показателей. К их числу относится прежде всего зависимость положения научного работника от количества публикаций в высокорейтинговых журналах. Как изменились в этой ситуации отношения между автором и редактором (если изменились)? Какое положение занимают рецензенты в процессе подготовки текста и насколько необходим институт рецензирования? Наконец, как изменились взгляды авторов и их отношение к подготовке текста? Вопросов возникает немало, но мы ограничились лишь самыми общими, ориентированными на существующие отношения между участниками процесса производства научного знания.

Участниками обсуждения стали преимущественно те наши коллеги, которые имеют опыт работы по меньшей мере в двух позициях: автора и рецензента, а многие и в качестве редактора. Тем интереснее их соображе-

ния, поскольку складывающиеся отношения были рассмотрены «изнутри» с нескольких точек зрения.

1

Характер предлагаемых к обсуждению вопросов и их тональность предполагает возможность ответов разной степени серьезности. Однако, пожалуй, только Д.Б. и Януш Юксипулин воспользовались этой возможностью в полной мере. Истории, приведенные в ответ на предложение поделиться опытом своего взаимодействия с редактором / автором (первый вопрос), демонстрируют диапазон возможных случайностей и непредсказуемость действий каждого участника. Вместе с тем они весьма показательны и даже полезны хотя бы в том смысле, что настраивают на вероятность столкнуться с самыми неожиданными вариантами взаимодействия. Чего стоит, например, поразивший меня вопрос редактора автору монографии: «Зачем вы вообще этой темой занялись? Неужели это может быть кому-то интересно?» (Ольга Христофорова). В таких случаях, естественно, возникают вопросы о профессионализме, соблюдении писаных и неписаных правил и многие другие. Эти истории можно, наверное, рассматривать в качестве преамбулы к более конкретным сюжетам, ориентированным на выяснение представлений об основных типах авторов, редакторов и рецензентов.

2

2.1. Редактор — мечта автора

Появление научного текста на свет вызывает у некоторых участников обсуждения ассоциации с рождением ребенка: «Автор — роженица, редактор — акушерка, рецензент — внешний наблюдатель, скажем, врач-неонатолог. В рамках этой метафоры автор — основной герой процесса, но также объект приложения силы и власти двух других участников, которые “знают, как лучше”» (Ольга Христофорова). В метафорике рождения редактору отводится почетный статус акушерки или повитухи. Как пишет Д.Е., «идеальный редактор — это своего рода сократовская повитуха (ср. диалог Платона “Тезет”): он помогает “произвести на свет” максимально удачную формулировку, довести до логического конца мысль, при необходимости повернуть ракурс исследования в нужную сторону». Любопытно, что и в других ответах редактору отведена главным образом вспомогательная роль. С точки зрения Виктории Черванёвой, «идеальный редактор бережно относится к авторскому тексту, не навязывает лишней правки, сохраняет авторский стиль и авторское слово. В этом проявляется и профессионализм, и такт редактора, умеющего держать себя в рамках и не выходить за границы своей компетенции. Ведь он не соавтор и не научный руководитель нерадивого студента, текст которого проще переписать, чем исправить, и потому редактору всегда нужно помнить о своей роли — не главной, а вспомогательной».

Получается, что главная задача редактора — внешняя «обработка» текста при условии сохранения авторской концепции и особенностей его стиля (если таковые можно обнаружить). Однако высказываются и другие соображения о редакторе — мечте автора. По мнению Андрея Топоркова, «идеальный редактор сочетает в себе три роли: он является, во-первых, специалистом в той области, к которой относится редактируемый им труд; во-вторых, хорошо владеет русским языком и, в-третьих, исполняет параллельно функции корректора, т.е. исправляет не только фактические, но и стилистические ошибки. Идеальный редактор отслеживает в тексте разного рода погрешности и помогает автору очистить текст от ляпов, которые встречаются порой даже в сочинениях самых высокообразованных ученых». Речь идет, видимо, о разных типах редакторов. Одно дело — редактор журнала и совсем другое — ответственный редактор сборника статей. Соображения Андрея Топоркова, по всей видимости, относятся к последнему. Редактор, работающий в журнале, вряд ли может быть специалистом в тех областях, к которым относится каждая редактируемая им статья.

Доброжелательное отношение редактора к автору особенно важно в тех случаях, когда автором является молодой исследователь. Например, для Натальи Пушкаревой «умение окрылить молодого автора — важнейший навык редактора и вообще издательского работника, который подчас определяет судьбу ученого. Коллеги могут раскритиковать текст, а редактор непременно должен хвалить и никогда отрицательных ремарок не писать и не высказывать вообще. Это дело рецензента. Я этот урок усвоила и всегда стараюсь, когда я редактор, авансом хвалить аспирантов и докторантов, находить даже в слабых работах находки и удачи». И далее: «Такие идеальные редакторы мне попадались и не раз, но... в прошлом. Они умели сказать о том, что я имела в виду, короче и ярче меня самой. Они никуда не спешили и карандашом предлагали на полях или между строк свои варианты. Куда они нынче делись?» Сетования по поводу исчезновения «настоящих» редакторов довольно распространены, но они, как это ни странно, легко сочетаются с рассказами о произволе редакторов прекрасного прошлого, которые можно найти в ответах на первый вопрос.

Редактор имеет дело не только с авторами, но и с рецензентами. Именно редактор / редакция выбирает рецензента, оговаривает сроки и поддерживает с ним связь.

Ольга Христофорова считает, что для рецензента «идеальным будет редактор вежливый, дающий реальные сроки и приносящий внятные формы для рецензии». Редактору не поза-

видуешь — «посредничество между авторами, рецензентами и редколлекгией занимает немало времени, и нередко раздражение, вызванное решением редколлекгии, нападками рецензента или несговорчивостью автора, выплескивается именно на редакторов» (Антон Кухто). Так или иначе редактор, по мнению авторов присланных реплик, является ключевой фигурой не только в подготовке текста к публикации, но и в отборе поступающих в редакцию материалов. Идеальный редактор чувствует границы своих полномочий и, несмотря на возможные неожиданности со стороны авторов и рецензентов, делает все возможное, чтобы отобранный текст стал качественной публикацией.

2.2. Автор — мечта редактора

С позиции редактора идеальный автор отличается прежде всего тем, что присылаемая им статья нуждается в минимальной правке. Кроме того, такой автор должен с пониманием относиться к правке и обосновывать свою позицию, если не согласен с предлагаемыми изменениями. В любом случае автору нужно быть готовым к обсуждению и не выражать свое недовольство действиями редактора (Ольга Христофорова, Светлана Клейнер и др.). Умение логично формулировать и излагать относится к числу несомненных достоинств автора. По мнению Натальи Пушкаревой, «если написанное редактор не понял, то виноват автор, которого не поймут и другие читатели».

Существенная часть работы редактора относится к оформлению авторского текста. И не случайно этому отводится большое место в полученных ответах. Как пишет Виктория Черванёва, «самый замечательный автор, по моему ощущению, — это тот, кто серьезно и ответственно подходит к указанию своих источников и цитат, следит за их точностью и корректностью. Наиболее трудоемкой частью редакторского процесса обычно становится перепроверка научно-библиографического аппарата. По моему опыту редакторской работы самыми приятными авторами были те, кто сам занимал редакторскую должность в каком-то другом журнале. Так что я бы сказала так: мечта редактора — это другой редактор».

Мнение редактора книги и в этом случае несколько отличается от мнений редакторов, работающих в журналах. Андрей Топорков пишет: «Идеальный автор передает редактору полностью готовый текст, вычитанный и выправленный, так что редактор может целиком сосредоточиться на содержании этого текста. В этом случае работа редактора сводится к тому, чтобы помочь автору обнаружить в его тексте отдельные неточные формулировки, лакуны в библиографии и т.п. Идеальный автор и иде-

альный редактор сотрудничают друг с другом и доводят текст до идеального состояния».

С точки зрения рецензента идеальный автор «тот, в чьей опубликованной статье он видит учтенными свои советы, исправленными отмеченные ошибки» (Ольга Христофорова).

Еще одной чертой такого автора считается его пунктуальность, в частности в переписке с редактором. Впрочем, это качество относится и к другим участникам подготовки текста и, может быть, прежде всего к рецензенту (Антон Кухто и др.).

Стоит отметить, что в рассматриваемом треугольнике автору отводится «подчиненная» роль. Условия диктуют редактор / редакция и рецензент (здесь кстати вспомнить слова М. Булгакова «автор не имеет права», ставшие девизом реплики Д.Б.). И все же автор, который представил качественный текст и готов к его обсуждению, вряд ли почувствует себя ущемленным.

2.3 Рецензент — мечта обоих

Практика обязательного рецензирования получила большое распространение лишь в последние годы, хотя, конечно же, имела место и прежде. Собственно, каждый читатель (включая самого автора) является в какой-то мере рецензентом. Однако от характера рецензий, полученных редакцией журнала, зависит дальнейшая судьба статьи, и поэтому фигура рецензента столь важна и для автора, и для редакции. Если рецензент высказывает полезные замечания, касающиеся прежде всего содержания статьи, у автора появляется шанс ее улучшить. Для редактора (редакции) рекомендации рецензента — основание для приема статьи и дальнейшей работы с ней или отказа ее принимать. Нельзя не согласиться с мнением Виктории Черванёвой: «Идеальный рецензент не просто оценивает статью — он дает автору такие рекомендации, которые не только позволяют ее улучшить, но и открывают новые перспективы исследования, вдохновляют, воодушевляют. Собственно, практика научного рецензирования и нацелена на то, чтобы сделать научный журнал площадкой для дискуссий, научного поиска, апробации идей и обмена опытом».

Не все авторы благодарны рецензентам за их замечания. Разумеется, многое зависит от характера замечаний и их тональности. Мне близка позиция Татьяны Ивановой, которая пишет: «Мой же идеальный рецензент <...> — вездливый и придирчивый (конечно, при этом и корректный) коллега, научные интересы которого максимально близки к теме, разрабатываемой автором». Ольга Христофорова считает, что идеальный рецензент «критикует текст исходя из того, что в нем есть (а не чего нет),

не требует переписать всё в соответствии с собственным видением темы, дает конкретные советы по улучшению текста, не высказывает негативные эмоции (актуально для автора)».

От рецензента требуются не только содержательные рекомендации, но и наличие таких, казалось бы, не самых важных качеств, как пунктуальность, выражающаяся прежде всего в соблюдении установленных сроков. Неслучайно многие авторы присланных реплик пишут об этом. По мнению Светланы Клейнер, «рецензент — мечта редактора — это человек, который присылает рецензию в срок и четко пишет, в чем сильные и слабые стороны рукописи. Если со вторым проблем нет, то первое — это бесконечная головная боль, постоянные напоминания и отсрочки вплоть до “Вы знаете, прошло пять месяцев — и я понял, что не напишу вам рецензию” (это реальный случай, и это, конечно, рецензент-антигерой)».

При оценке рецензента следует иметь в виду и то обстоятельство, что его работа имеет, по сути, «благотворительный» характер. В условиях постоянной загруженности всевозможными обязанностями рецензент берется за написание отзыва, по словам Антона Кухто, «исключительно из благородных побуждений, получая в качестве вознаграждения разве что благодарность от редакции — и иногда от автора. В таких условиях учишься ценить не только пунктуальность как таковую, но и умение сказать “нет”».

3

3.1. Антигерой-редактор

Предложение описать своего антигероя — редактора / рецензента / автора получило не столь широкий отклик, как предыдущее предложение описать идеальных героев. В частности, антигерой-редактор довольно редко фигурирует в присланных репликах. Более того, Наталья Пушкарёва пишет: «Ни разу в жизни не сталкивалась с рецензентами или редакторами, которых бы можно было назвать моими “антигероями”, возможно как раз потому, что полагаю: редактор, рецензент, критик всегда правы. Автор — нет, а они — всегда. Они же обычные читатели, и если ты не убедил их — значит, грош цена твоим аргументам, ты “их лепишь грубовато, ты их любишь маловато, ты сама и виновата, и никто не виноват!”». С тем, что редакторы и рецензенты являются обычными читателями, вряд ли можно согласиться. Обычные читатели не относятся к тексту с таким пристрастием, как это свойственно рецензенту, и лишены возможности править текст, как это делает редактор. Делегирование им заведомой правоты во взаимоотношениях с автором заставляет еще раз задуматься над сложившейся иерархией и вспомнить распространенную среди тех же редак-

торов присказку «автор всегда прав», которая, впрочем, нередко носит иронический характер.

Тем не менее редакторы-антигерои, конечно же, есть. Например, Д.Е. выделяет два типа таких редакторов: «Первый тип “антигероя”-редактора — “формалист”. Его работа скорее ограничивается техническим оформлением и иногда правкой из области так называемой вкусовщины. Вопросы по существу он предпочитает не задавать, оставляя на совести автора любые неясные или спорные высказывания. Второй тип — “диктатор”, о котором можно сказать, что это редактор, претендующий на роль “повитухи” (см. выше), но нетолерантный и безапелляционный. Он недвусмысленно дает понять, что любое мнение, отличное от его собственного, неверно, что он определенно знает, как на самом деле следует интерпретировать материал и как эту статью следовало бы правильно написать. Работа, написанная в русле не той научной школы, к которой он принадлежит или из которой вышел, заведомо вызывает у него плохо скрываемое раздражение».

Близкий тип антигероя описывает Виктория Черванёва: «Это редактор, одержимый особой “редакторской спесью”. В чем проявляется эта “спесь”? Прежде всего в необоснованной правке, вплоть до переписывания авторского текста. Я глубоко убеждена, что поле деятельности редактора очерчивается пределами языковой нормы — редактор имеет право вносить правку только там, где нарушаются границы нормы. А если “творческая деятельность” редактора заключается в замене деепричастных оборотов придаточными предложениями и наоборот, то это не работа, а вкусовщина и непрофессионализм». В полученных нами ответах на первый вопрос можно найти и другие примеры «творчества» редакторов, например случай, описанный Константином Поздняковым, когда редактор самовольно заменила персонаж одной из африканских сказок исходя из своих представлений о том, какой должна быть семья в детской сказке.

Из таких историй следует, что для редактора-антигероя характерен выход за рамки его условных полномочий в работе с текстом и автором этого текста. Этим претензии к работе редактора / редакции не исчерпываются. Обычно редакторы сетуют на необязательность рецензентов и авторов, однако и авторы не всегда вовремя получают информацию от редактора (в таких случаях само слово «вовремя» кажется неуместным). Андрей Адельфинский вопрошает: «Кто напишет об отсутствии обратной связи в отношении авторов? О приеме к публикации с последующим молчаливым отказом? О лежании рукописей без рассмотрения, иной раз до года?» Один из воз-

можных ответов на последний вопрос можно найти в реплике Б. Спинозы: «Рецензенты часто откладывают чтение статей по вполне понятным причинам. За свою работу они не получают ни денег, ни признания, так что ничего удивительного, что написание рецензий у них далеко не в приоритетах. И вот, авторы месяцами ждут решения по своим статьям и наконец начинают изводить редакторов письмами, подчас довольно агрессивными, а что те могут сделать? Только обращаться мольбы к рецензентам».

3.2. Антигерой-автор

По мнению Д.Е., «среди “антигероев”-авторов тоже можно выделить нескольких типов. У “безразличного” автора, как правило, статья написана небрежно, в цитатах искажения, часть вопросов редактора он вовсе не замечает, на другую реагирует таким образом, что понять смысл правки с первого раза затруднительно. Кажется, он бы не возражал, если бы редактор ответил на все свои вопросы сам и поскорее избавил бы его от этой мороки.

“Чувствительный” автор, напротив, болезненно относится к любому вмешательству в текст, а тот факт, что его просят что-то уточнить (особенно если редактор, выражаясь армейски, младший по званию), может вызывать у него недоумение. Среди последних изредка встречается подтип “казуиста”. Такой автор обычно прекрасно ориентируется в редакционно-издательской проблематике и не оставляет без комментариев (часто многословных) не только вопросы и правку, но и элементы оформительского стиля журнала».

Обычно считается, что автор находится в зависимом положении не только от рецензента, но и от редактора. Однако в этом треугольнике возможны и другие отношения. Как пишет Антон Чехонте, «нередки авторы, которые относятся к редакторам, как Салтычиха к крепостным. Со знаменитостями как раз почти всегда хорошо: принимают предложения (если возражают, то вежливо и резонно), делают все быстро. Зато уж как бывает с авторами одной публикации, которые на этом основании считают себя гениями и выше всякой критики! В таком случае даже исправление орфографической ошибки может вызвать бурный протест».

Вообще нужно сказать, что автор-скандалист встречается нередко. Вот как описывает подобный тип Б. Спиноза: «Антигерой-автор — пусть будет “Измаил”. Я как редактор отправляю Измаилу две рецензии и ободряющее письмо с предложением переписать статью и подать снова. Рецензенты призывают автора добавить больше источников, привлечь литературу из

указанной области исследований и более последовательно выстроить линию рассуждений. Вскоре Измаил шлет мне отповедь на девять страниц одинарным интервалом: он настаивает, что статья безупречна и никаких изменений не требует. Я занимаюсь “цензурой в советском стиле”. Рецензенты — идиоты и критикуют статью только из личной неприязни к Измаилу. Он *требует*, чтобы в обход анонимности ему раскрыли имена рецензентов! (Конечно, это невозможно: в нашем журнале действует строго двойное слепое рецензирование.) Заканчивает Измаил угрозой: если я немедленно не приму его статью к публикации в исходном виде, то он “дойдет до редколлегии, а то и выше!”» (ср. случаи, описанные Светланой Клейнер и Антоном Кухто).

Ну и конечно, отрицательные эмоции у редактора может вызвать содержание текста и представления автора о том, что такое наука. По мнению Анны Лазаревой, «ужасный автор относится к науке как к эзотерическому знанию, недоступному “профанам”. Очень часто статьи такого автора вполне поддаются пересказу более простыми словами. Однако если убрать термины и отсылки к концепциям других исследователей, суть работы будет выглядеть банально».

3.3. Антигерой-рецензент

В хорошем / толковом рецензенте заинтересованы и авторы, и редакторы, но такие рецензенты встречаются не всегда. От автора, как правило, не зависит выбор рецензента, а редактор нередко причастен к этому выбору. Тем не менее свои антигерои-рецензенты встречаются и у тех, и у других. Д.Е. выражает свою позицию явно с точки зрения редактора, когда пишет: «Рецензент-“антигерой” ограничивается самыми общими суждениями относительно работы. Это, может быть, допустимо, если замечаний нет, а отзыв полностью положителен, но “черная” рецензия такого рода бессмысленна, даже вредна, поскольку может спровоцировать конфликт между автором и редакцией. Хуже всего, впрочем, когда автор статьи и автор экспертизы вступают в полемику, транслируя ее (поскольку не общаются напрямую), естественно, на редакцию, которой неизбежно придется принимать одну из сторон. Конфликт между автором и рецензентом, усугубленный (взаимным) опознаванием, пожалуй, одна из наиболее неприятных и болезненных ситуаций, ущерб в которой так или иначе несут все».

С другой позиции оценивает антигероя-рецензента Наталья Пушкарева: «“Самый ужасный” рецензент и тем более редактор — человек недоброжелательный, упражняющийся при этом в остроумии и язвящий автора своими ремарками, строчными

буквами упреков и удвоением знаков препинания (?!)). И снова в присланных репликах заходит речь о пунктуальности, отсутствие которой особенно неприемлемо для рецензента. Если медлительность автора наносит вред прежде всего ему самому, то «опоздания рецензентов, напротив, задерживают весь публикационный процесс: пока нет отзыва, редколлегия не может принять решения, автор не может получить ответа, начинается взаимное неудовольствие, а редакторы снова оказываются в самом центре назревающего конфликта» (Антон Кухто). Вообще положение рецензента в процессе подготовки текста вызывает немало вопросов. Например, Виктория Черванёва пишет: «Стоит задуматься, почему рецензент, который в профессиональном отношении может быть не сильнее автора, в ситуации журнального взаимодействия диктует условия, которые автор волей-неволей должен выполнять».

Сомнения в целесообразности рецензирования поступающих в журнал материалов высказывает Марьям Резван: «Рискну высказать еретическое радикальное соображение: институт анонимного научного рецензирования вредит развитию науки. Во-первых, мне представляется, что эта практика, заметно расширившаяся за последние годы, не привела к принципиальному улучшению качества научной продукции. Серьезные журналы всегда внимательно относились к своей репутации и не допускали публикацию сомнительных текстов — с этой задачей прекрасно справлялись штатные редколлегии. <...>. Во-вторых, появившиеся в конце прошлого века технические возможности существенно упростили и ускорили путь текстов от автора к читателю, а сегодня мы видим, как введение промежуточного звена в виде рецензентов затрудняет и удлинняет его. В-третьих, рецензент в силу своего статуса неизбежно вынужден акцентировать недостатки предложенного ему текста, что зачастую приводит к гиперкритицизму. Ну и в-четвертых, в отдельных областях знаний круг специалистов, занимающихся определенной проблемой, настолько тесен, что авторская анонимность оказывается утопией, что, к сожалению, иногда открывает возможность и для сведения личных счетов. При этом зачастую рецензент может определить автора статьи, в то время как сам он остается для автора величиной неизвестной».

Разумеется, с некоторыми из этих аргументов можно не соглашаться, но задуматься стоит, поскольку подобного рода соображения высказывают все больше коллег, причастных к выпуску журналов. Например, Александр Желтов тоже пишет о псевдоанонимности рецензентов (особенно в узких областях знания), субъективности редактора при выборе рецензента и вообще об управлении редактором процессом рецензирования

и публикации статей. Так или иначе, реплики наших авторов «не помещаются» в рамки ответов на предложенные вопросы. Раздел «Проблемы» не был предусмотрен, но последний вопрос сформулирован таким образом, что вполне допускает их обсуждение.

4

Какие общие проблемы волнуют авторов присланных реплик и что, по их мнению, нужно сделать, чтобы максимально снизить вероятность конфликтных ситуаций между всеми заинтересованными сторонами? Необходимым условием мирного сосуществования, по мнению Арсения Веркеева, «стоит признать удобную и понятную среду, снижающую издержки взаимодействия и ограничивающую простор для развития конфликтов». Между тем «российские журналы по социальным и гуманитарным наукам создают избыточные барьеры для научной коммуникации, предъявляя требования к оформлению рукописей, которые (1) разнятся от журнала к журналу; (2) порой не соответствуют общепринятым в мировой науке стилям оформления и (3) не сопровождаются программными решениями, например шаблонами стилей для программ — библиографических менеджеров; (4) предъявляются на этапе подачи рукописи, а не на этапе ее принятия к публикации» (Арсений Веркеев). Следует признать, что перечисленные проблемы существуют и отнюдь не способствуют созданию удобной среды взаимодействия. Они могут быть решены лишь при условии совместного обсуждения и принятия общих требований к оформлению рукописей и их прохождению в журналах. Видимо, пришло время подумать о создании Ассоциации российских журналов социального и гуманитарного профиля, которая будет озабочена решением подобных вопросов.

Естественно, существуют и другие угрозы. Об одной из них пишет Антон Кухто: «На мой взгляд, главная опасность, которая грозит этому сосуществованию, — размывание самого института научного редактирования. То и дело сталкиваешься с тем, что большие издательства ради оптимизации расходов отдают тексты редакторам и корректорам на “аутсорсинг”, вместо того чтобы содержать штат опытных сотрудников, специализирующихся в той или иной области и знающих ее особенности. Иногда вообще каким-то чудом обходятся без редакторов». Действительно, такая практика получает все большее распространение, особенно, как верно отмечено, в крупных издательствах. В журналах, слава Богу, ситуация другая, но само по себе постепенное сворачивание института редактирования не может не беспокоить всех причастных к издательской деятельности.

Что же касается собственно «мирного сосуществования», ни один участник «Форума» не отрицает его возможности. Более

того, только при этом условии возможна качественная работа по подготовке научной публикации. Неудивительно, что сам вопрос о возможности «мирного сосуществования» вызвал у Татьяны Ивановой встречный вопрос: «А разве у нас сейчас нет мирного сосуществования? Самая конфликтная ситуация — это когда редакция на самом первом этапе отказывает автору в публикации статьи. Но в таком случае и никакого договора между “автором — рецензентом — редактором” быть не может. А коли статья принята редакцией, то автору следует просто адекватно прислушиваться к замечаниям, а рецензенту и редактору быть нормально корректным. Все очень просто». Наверное, не все так просто, но показательно, что в большинстве присланных реплик перечисляются в качестве необходимых такие характеристики участников взаимодействия, как уважительное отношение друг к другу, доброжелательность, готовность слышать и понимать другого и, конечно же, общая установка на сотрудничество. Редкий случай, когда участники обсуждения практически единодушны: именно наличие этих качеств позволяет преодолеть возможные сложности, возникающие между тремя сторонами в процессе работы над научным текстом.

Основной вывод из этого краткого обзора реплик видится таким: для конструктивных отношений между авторами, редакторами и рецензентами необходимо создание удобной среды взаимодействия (выработка общих правил и стандартов), профессионализм участников и перечисленные человеческие качества.

Альберт Байбурин

Forum 50: Authors, Peer Reviewers, Editors

The 50th issue of the journal marks a jubilee. We have decided to mark this exceptional event in the journal's history by organising a 'forum' on an exceptional subject: the relations between two different camps in the academic world: authors and editors. Sometimes these relations are harmonious and friendly, at other times less so; at other times again, they can be plain tense, or even openly hostile. The situation is further complicated by the activities of peer reviewers (a relatively novel phenomenon in the Russian-speaking world, more familiar in the USA and UK, and in parts of Western Europe). Participants were invited to share their experience of working with editors/editorial boards/authors and to describe the ideal editor (or conversely, the ideal author), and the ideal peer reviewer — as well as the anti-heroes. They were at liberty to use pseudonyms or their real names.

Keywords: journals, peer review, academic publishing, editors, editorial boards, authors, reviewers.

References

- Lazareva A. A., 'Konferentsiya "Antropologiya snovideniy"' [The "Anthropology of Dreams" Conference], *Zhivaya starina*, 2020, no. 4, pp. 65–67.
- Lazareva A. A. (ed., comp.), *Antropologiya snovideniy* [The Anthropology of Dreams]: A collection of articles. Moscow: RSUH, 2021, 295 pp.
- 'Po sledam foruma: Kollektivnye proekty v sotsialnykh naukakh' [Sequel of the Forum: Collaborative Projects in the Social Sciences], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 45, pp. 189–214. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-189-214.
- Scheff T. J., 'Academic Gangs', *Crime, Law, and Social Change*. 1995, no. 23, pp. 157–162.